РОДИНА

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія

№ 40 2-го Октября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА": МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ достав и въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи. **Кн. М. Н. Волконскаго.**

(Продолженіе.)

XI.

ОНИ ВЫШЛИ изъ гостиницы и тутъ-же завернули въ бывшій въ томъ-же домѣ магазинъ колоніальныхъ товаровъ.

— Что прикажете? — услужливо встрѣтилъ ихъ приказчикъ.

— Вотъ видите-ли, — сталъ очень дѣловито и серьезно объяснять ему Козодавлевъ-Рощининъ, — намъ нужно пять пудовъ синей краски...

Приказчикъ разинулъ ротъ:

— Синей краски? — переспросилъ онъ.

— Да.

— Пять пудовъ?

— Да.

— Зачѣмъ-же это вамъ?

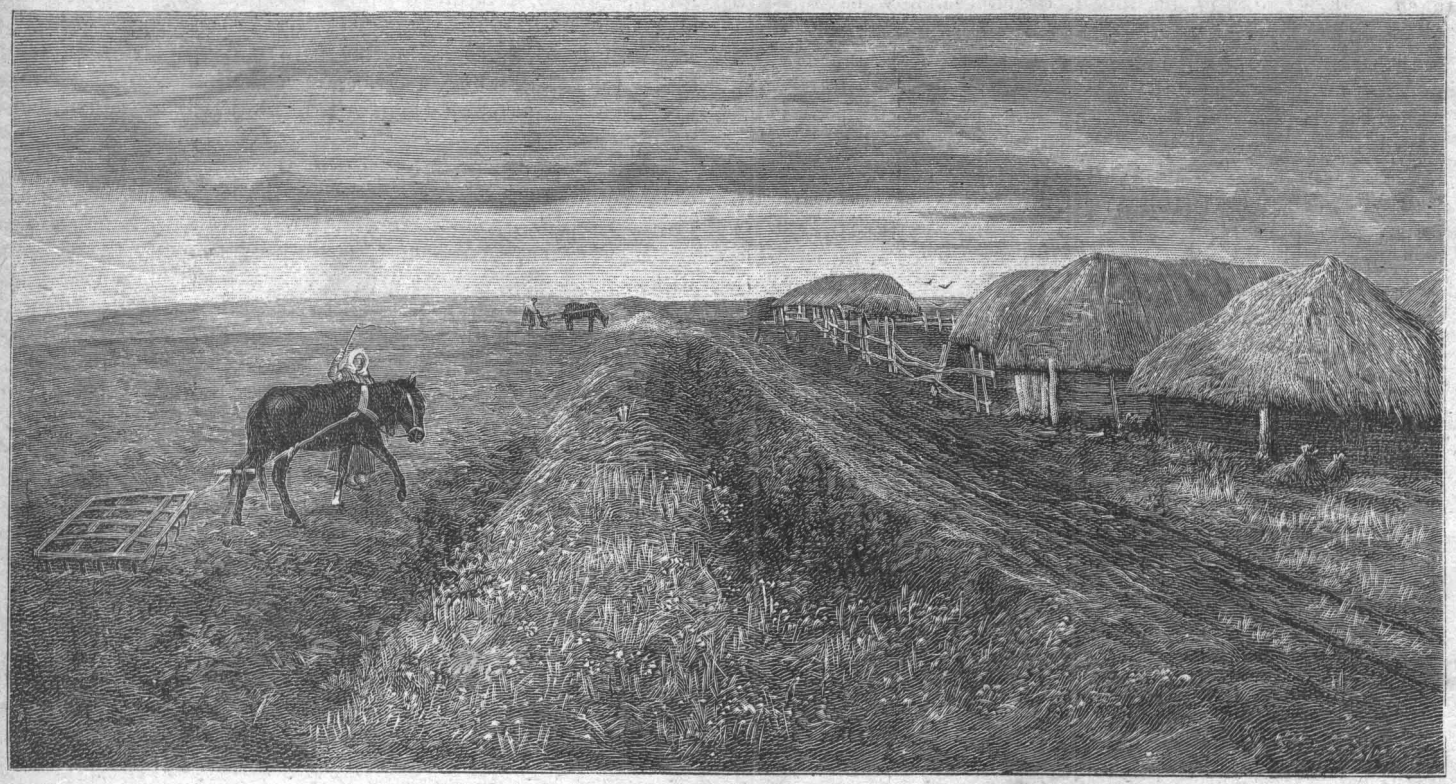
— Нужно. Сегодня у насъ въ театрѣ идетъ пьеса „Наказанная невѣрность, или темно-синій мужъ", такъ для нея нужно пять пудовъ синей краски...

— Занятная, значитъ, пьеса?..

— Кажется.

— Мы краской не торгуемъ, — съ сожалѣніемъ извинился приказчикъ, входя въ положеніе актеровъ, — вы въ москательную лавку обратитесь...

— Благодаримъ васъ, мы непремѣнно обратимся въ москательную лавку, — не теряя строгой серьезности, сказалъ Козодавлевъ-Рощининъ и раскланялся..



НА СВОЕЙ ПОЛОСКѢ. Съ картины **Е. И. Столицы** гравир. для „Родины" **Б. Пуцъ.**

Но, прежде чѣмъ направиться въ москательную, они зашли рядомъ въ табачную лавку.

Здѣсь комикъ повелъ рѣчь на ту-же тему, только въ нѣсколько иномъ тонѣ.

— Мы, извините, актеры,—началъ онъ,—люди пріѣзжіе; у насъ сегодня въ театрѣ идетъ замѣчательная пьеса „Темно-синій мужъ“, такъ намъ нужно пять пудовъ синей краски, будьте добры, укажите, гдѣ достать намъ ее?..

Продавецъ въ табачной лавкѣ тоже заинтересовался и сталъ разспрашивать, зачѣмъ-же именно пять пудовъ, но Козодавлевъ-Рощининъ сталъ увѣрять, что меньше никакъ нельзя.

Волпянскій, понявшій уже, въ чемъ дѣло, сталъ поддерживать его..

Въ слѣдующую лавку—свѣчную—они влетѣли второпяхъ и, запыхавшись, наперебой стали спрашивать пять пудовъ синей краски для сегодняшней пьесы въ театрѣ.

Въ галантерейномъ магазинѣ, въ которомъ они тоже озабоченно справлялись, гдѣ можно купить пять пудовъ синей краски, въ разспросахъ приняли участіе и покупательницы, случившіяся въ это время...

Словомъ, Козодавлевъ-Рощининъ съ Волпянскимъ обошли почти всѣ лавки въ городѣ, но даже въ москательныхъ не нашлось сразу пяти пудовъ синей краски...

Такъ они и не купили ея. Однако, продавцы стали разсказывать покупателямъ, что вотъ-де какая пьеса идетъ сегодня въ театрѣ, и быстро весь городъ узналъ интересную новость.

По всему городу къ тому-же были расклеены афиши на синей бумагѣ, извѣщавшія о пьесѣ.

Словомъ, когда, во второмъ часу дня, Козодавлевъ-Рощининъ и Волпянскій, усталые и измученные, явились въ театръ,—„фортель“ ихъ оказалъ уже свое дѣйствіе. Продажа билетовъ въ кассѣ шла довольно бойко...

— Андрей Ивановичъ, батюшка, что-же вы это дѣлаете?—встрѣтилъ антрепренеръ комика,—не идете—мы репетиціи безъ васъ не начинаемъ, продажа билетовъ пошла, а мы не можемъ репетировать безъ васъ... Я посылалъ за вами, самъ былъ у васъ, васъ дома нѣтъ... Помилуйте, первый день сборъ обѣщаетъ быть хорошимъ, а мы изъ-за васъ репетицію не начинаемъ... Если вы насчетъ вчерашняго инцидента, то, вѣдь, я извиниться радъ... Вамъ Волпянскій передавалъ?

— Передавалъ, передавалъ,—успокоилъ Козодавлевъ-Рощининъ Антона Антоновича,—оттого мы съ нимъ съ десяти часовъ утра и бѣгаемъ по городу да о сборѣ хлопочемъ... Репетиція не уйдетъ, не въ ней, моя милашка, штука!

— Все-таки пора начинать...

— Успѣемъ, дайте перекусить чего-нибудь, красавецъ мой... говорю вамъ, съ десяти часовъ бѣгаемъ...

И Козодавлевъ-Рощининъ велѣлъ у буфета наскоро сдѣлать себѣ и подать яичницу-глазунью.

— Такъ это вы, дѣйствительно, о сборѣ-то похлопотали?—сталъ спрашивать Антонъ Антоновичъ, желая узнать, въ чемъ заключался секретъ того, что съ утра уже публика повалила въ кассу...

Козодавлевъ-Рощининъ ничего не отвѣтилъ, онъ въ это время съ аппетитомъ жевалъ буттербродъ съ ветчиной, а Волпянскій, облупливая яйцо вкрутую, поднялъ брови и только значительно произнесъ:

— Геніальный человѣкъ—Андрей Ивановичъ! ему-бы на столичной сценѣ мѣсто!..

„Геніальный человѣкъ“ отеръ платкомъ вспотѣвшую лысину, выпилъ залпомъ полбутылки содовой воды, сѣлъ къ столику на верандѣ и позвалъ антрепренера:

— Антонъ Антоновичъ, пожалуйте-ка сюда, разурлюмоночекъ мой!..

XII.

Антонъ Антоновичъ подошелъ.

— Вотъ что, голуба моя,—заговорилъ Козодавлевъ-Рощининъ,—у меня дѣло къ вамъ; присядьте, почтеннѣйшій...

Антонъ Антоновичъ сѣлъ.

— Я вамъ сборъ сегодня сдѣлалъ?—спросилъ Рощининъ.

— Какъ-будто сдѣлали!—согласился антрепренеръ,—хотя я и не знаю еще какъ.

— Объ этомъ, радуга моя золотистая, хотя радуги такой и не бываетъ, но все равно, узнаете послѣ; но я униженно прошу имѣть въ виду, что если я сборъ вамъ сдѣлалъ, то и раздѣлю его... съ легкимъ сердцемъ, родной мой...

— Зачѣмъ-же это?—испугался Антонъ Антоновичъ.

— А видите-ли, мнѣ сейчасъ необходимы тридцать рублей!

— Тридцать рублей?

— Да, пріятный мой кавалеръ, тридцать рублей! Извольте послать въ кассу сейчасъ, возьмите оттуда тридцать рублей или сами сходите и выдайте ихъ мнѣ...

— Зачѣмъ-же?

— Въ счетъ жалованья..

— Авансомъ?

— Какимъ авансомъ, милостивецъ? вѣдь, заслуженныя...

— Но я никому еще не платилъ.

— Отъ этого мнѣ не легче. Я вамъ говорю, вы мнѣ мои отдайте..

Глазки антрепренера забѣгали въ разныя стороны.

— Какъ-же это сейчасъ?—запротестовалъ онъ,—ужъ если вы такъ хотите, то вечеромъ, когда сборъ опредѣлится...

— Нѣтъ, мамочка,—протянулъ Козодавлевъ-Рощининъ,—знаю я вашего брата, антрепренера! Вечеромъ флаконъ вина вы мнѣ поставите, какъ обѣщано черезъ Волпянскаго, а сейчасъ пожалуйте тридцать карбованцевъ россійскою монетою, не то, право, пьесу сорву и сборъ уничтожу. Повторяю, вѣдь, о заслуженныхъ хлопочу...

Антрепренеръ сдался не сразу. Онъ пробовалъ отговориться и такъ, и эдакъ, но Козодавлевъ-Рощининъ твердо стоялъ на своемъ.

Наконецъ, Антонъ Антоновичъ вынулъ бумажникъ.

„Ишь ты,—сообразилъ Козодавлевъ-Рощининъ,—ужъ успѣлъ прикарманить деньги изъ кассы, обрадовался!“

— Только для васъ дѣлаю это ради исключительнаго случая,—заявилъ антрепренеръ, доставая деньги и передавая.

Однако, онъ постарался достать ихъ и передать такъ, чтобы никто изъ остальныхъ актеровъ не видѣлъ, что онъ дѣлаетъ.

Но отъ зоркихъ глазъ маленькаго Волпянскаго не ускользнуло это и онъ опять проговорилъ:

— Положительно, Андрей Ивановичъ—геніальный человѣкъ!..

А Козодавлевъ Рощининъ спокойно взялъ деньги, спряталъ ихъ и принялся доѣдать яичницу-глазунью.

— А-а, вотъ и Маничка,—успокоительно протянулъ онъ, увидѣвъ входившую на веранду Мику-

лину, за которой антрепренеръ посылалъ особаго гонца, — ну, теперь пойдемте репетировать...

Микулина участвовала въ водевилѣ „Тем о-синій мужъ“ и пріѣхала на репетицію, узнавъ отъ гонца, что дядя Андрей въ театрѣ и что все обстоитъ благополучно.

— Ну что, Манюша, говорилъ я тебѣ,—шепнулъ ей Рощининъ за кулисами, — что все хорошо будетъ! А ты еще не знаешь, еще лучшее у меня есть: мы съ тобой полное спокойствіе, можетъ быть, найдемъ; у меня тутъ,— онъ показалъ на карманъ, — средства къ тому уже имѣются, но объ этомъ я послѣ разскажу тебѣ...

На репетиціи пьесу прошли нѣсколько разъ.

Разумѣется, для нея никакой синей краски не требовалось.

Относительно краски это былъ только придуманный Козодавлевымъ-Рощининымъ „фортель“, чтобы завлечь публику.

И публика, дѣйствительно, поддалась на удочку и наполнила театръ.

Сборъ былъ блестящій. Водевиль „Темно-синій мужъ“ оказался смѣшнымъ, и всѣ смѣялись и апплодировали.

Всѣ были довольны.

Только трагикъ Ромуальдъ-Костровскій, посмотрѣвъ въ дырочку въ занавѣси предъ началомъ на полный залъ, произнесъ загробнымъ голосомъ:

— Вотъ оно, чистое искусство-то! чего не могъ сдѣлать „Отелло“ самого Шекспира, то сдѣлала синяя краска!.. За человѣчество обидно...

И, обидѣвшись „за человѣчество“, онъ отправился въ буфетъ и пилъ тамъ все время съ горя.

Ни въ фарсѣ, ни въ водевилѣ онъ занятъ не былъ, потому что не признавалъ ихъ. Къ концу представленія онъ напился до того, что шатался и приставалъ ко всѣмъ, спрашивая заплетающимся языкомъ, правда-ли, что Тропининымъ былъ телеграммой выписанъ изъ Москвы опытный сыщикъ для разъясненія дѣла о его пропавшей дочери?..

XIII.

На другой день въ двѣнадцать часовъ Козодавлевъ-Рощининъ отправился на Дворянскую улицу, въ трактиръ „Лондонъ“, гдѣ было назначено имъ свиданіе Корецкому...

Онъ нарочно пришелъ раньше, чтобы явиться до прихода Корецкаго, но тотъ предупредилъ его. Комикъ засталъ Корецкаго сидящимъ за столикомъ. Предъ нимъ стояли водка и соленый огурецъ.

Трактиръ „Лондонъ“ не считался первоклассным и на чистой-то половинѣ его публика бывала не Богъ вѣсть какая, а черная какъ разъ была приноровлена къ такимъ гостямъ, какъ Корецкій.

Это было сразу видно и по грязи, царившей въ ней, и по стойкѣ, огороженной крѣпкимъ, солиднымъ мѣднымъ прутомъ, и по стоявшему за этою стойкой въ розовой ситцевой рубахѣ буфетчику со сложеніемъ, по крайней мѣрѣ, Соловья-разбойника, предъ которымъ могъ присмирѣть всякій покушающійся на буйство посѣтитель.

Здѣсь отпускали водку и другое довольство, не спросивъ заранѣе денегъ, только тѣмъ, у кого шляпа или одежда были таковы, что могли пойти въ уплату, въ случаѣ если-бы не оказалось въ наличности денегъ.

Козодавлевъ-Рощининъ зналъ это и удивился, увидѣвъ предъ Корецкимъ водку и огурецъ.

По его виду ему не могли отпустить безъ уплаты впередъ, значитъ, у него были деньги, чтобъ спросить эту водку.

Водка была, по крайней мѣрѣ, до половины уже выпита.

— Вы уже, сердце мое, угощаетесь? — участливо спросилъ Козодавлевъ-Рощининъ, подходя къ Корецкому, занявшему укромный уголокъ въ сторонкѣ.

Тотъ не безъ труда поднялъ посоловѣвшіе глаза и мрачно проговорилъ:

— Деньги принесли?

Вчерашнее смиреніе спало уже съ него подъ вліяніемъ хмеля, но онъ все-таки былъ еще не настолько пьянъ, чтобъ забыть, зачѣмъ пришелъ въ трактиръ и зачѣмъ явился сюда къ нему Козодавлевъ-Рощининъ.

— Какъ-же это вы, — невольно воскликнулъ послѣдній, — вчера говорили, что хотите новую жизнь начать, а сегодня я васъ застаю за водкой?

Корецкій почмокалъ губами.

— Водка новой жизни не мѣшаетъ, — пояснилъ онъ, — я въ новой жизни не только водку буду пить, шампанское тянуть стану — вотъ какая новая жизнь предстоитъ мнѣ!.. Ну, чего-жъ вы ротъ разинули? Садитесь, пейте!..

Козодавлевъ-Рощининъ сѣлъ.

— Я не пью, — сказалъ онъ.

— Не пьете водки, такъ велите шампанскаго подать. Выпьемъ шампанскаго, а?

— А у васъ на шампанское есть деньги?

— Зачѣмъ у меня? Пока еще у меня нѣтъ. У меня будутъ. А у васъ, вѣдь, есть. Вы принесли?..

— У меня деньги готовы на билетъ вамъ и на платье. Но я ихъ съ собой не взялъ, — совралъ Козодавлевъ-Рощининъ, найдя, что Корецкій въ положеніи неудобномъ для немедленнаго окончанія сговоренной сдѣлки.

— На билетъ? — медленно произнесъ Корецкій, вытягивая губы.

— Ну да, радость моя, вѣдь, вы предположили уѣхать отсюда...

Корецкій налилъ себѣ водки въ рюмку, опрокинулъ ее въ ротъ, крякнулъ, помоталъ головою и упрямо сказалъ:

— Я не поѣду теперь...

— Что такъ? — спокойно произнесъ Рощининъ.

Онъ видѣлъ, что Корецкій успѣлъ уже напиться, и понималъ, что съ нимъ пьянымъ нечего разговаривать о дѣлѣ и что надо теперь не отпускать его отъ себя, пока онъ не отрезвѣетъ, а затѣмъ заключить сдѣлку.

— Не поѣду! — повторилъ Корецкій и поднялъ кулакъ, чтобъ ударить по столу.

— Да, какъ хотите, — согласился Рощининъ, — я только спрашиваю, почему такъ, божественный?

Корецкій, видимо, ожидавшій противорѣчія, сразу осѣкся и вмѣсто того, чтобы стукнуть кулакомъ, расправилъ руку и сталъ размазывать по столу ладонью.

— Я не желаю ѣхать, потому что... потому что... имѣлъ вчера встрѣчу...

— Какую, прелесть моя?..

— Н-неожиданную!..

(Продолженіе будетъ.)

Инфлуэнца.

Разсказъ Григорія Ольшанскаго.

Молодой статскій совѣтникъ, Николай Ивановичъ Котельниковъ, возвратился къ себѣ домой изъ «комиссіи сверхсмѣтныхъ окладовъ» въ весьма странномъ состояніи духа. По всему существу его разливалось какое-то томительное недовольство и подъ ложечкой сильно щемило. Все ему какъ-бы надоѣло, все опротивѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чего-то страстно хотѣлось; но, чего именно, онъ и самъ не зналъ.

Брезгливо отстранивши швейцара, бросившагося снимать съ него верхнее платье, онъ поднялся въ свою уютную квартиру, помѣщавшуюся въ бель-этажѣ, и, не заходя, противъ обыкновенья, къ женѣ, направился прямо къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь онъ съ удивленьемъ замѣтилъ, что роскошный и внушительный видъ этой комнаты, на которую онъ потратилъ столько стараній и средствъ, не доставляетъ ему прежняго удовольствія, а, напротивъ, какъ-будто гнететъ его.

Явился надиво выдрессированный камердинеръ, и Николай Ивановичъ вдругъ сразу почувствовалъ, что присутствіе этого человѣка съ кошачьими манерами и неслышною поступью до того противно ему, что онъ не могъ болѣе выдержать и поторопился отослать его. Переодѣвшись собственными силами въ первый попавшійся старый жакетъ, статскій совѣтникъ рѣзко взъерошилъ свои еще довольно густые волосы и сталъ нервно ходить по кабинету.

«Странно! отчего-бы это со мной?—разсуждалъ онъ въ непонятномъ волненіи.—Желудкомъ, кажется, я не страдаю, непріятностей не было никакихъ. Отчего-же мнѣ подкатываетъ такъ подъ сердце? Разговоры? Такъ, вѣдь, мы только и дѣлаемъ, что разговариваемъ, а на всякое чиханье не наздравствуешься! Что, бишь, онъ говорилъ такое?—припоминалъ статскій совѣтникъ разсужденія неизвѣстно откуда взявшагося новаго члена комиссіи.—Ахъ, да! «Возвышенныя рѣчи намъ не помогутъ! Полезнѣе было-бы попросту сознать каждому, что преступленія, дѣлаемыя нами ради собственныхъ выгодъ, не приносятъ никакихъ существенныхъ радостей». Скажите, пожалуйста, «не приносятъ»! А изъ-за чего-же бьются всѣ до единаго, обманываютъ, насильничаютъ, лицемѣрятъ, — если отъ того нѣтъ никакой радости?»

Николай Ивановичъ присѣлъ на диванъ и крѣпко задумался.

«А, впрочемъ, по совѣсти говоря, оно, пожалуй, и правда! Въ самомъ дѣлѣ: какое такое особенное удовольствіе получить лишній чинъ? Миражъ, кошмаръ—и ничего болѣе! Какое удовольствіе мнѣ отъ этого кабинета, стоимость отдѣлки коего могла-бы обезпечить десятокъ честныхъ семействъ? Какая радость мнѣ въ томъ, что человѣкъ, можетъ быть, меня ненавидящій и презирающій, оказываетъ мнѣ лицемѣрныя любезности ради властнаго моего положенія? Напротивъ, это лишаетъ меня весьма существеннаго наслажденія дружбою, такъ какъ вѣрить уже я никому не могу... Такъ-же то и лишены мы и радостей любви: что изъ того, что каждая барышня готова выйти замужъ за насъ изъ-за положенія и достатка,—какая-же въ этомъ радость? А, между тѣмъ, такая отвѣтственность! такая ужасная отвѣтственность! и... ничего ровно взамѣнъ!»

Такъ размышлялъ статскій совѣтникъ, и подъ ложечкой у него сосало все больше и больше. Въ это время дверь тихо пріотворилась и на порогѣ показалась его во всѣхъ отношеніяхъ восхитительная молодая супруга, Евгенія Александровна.

— Что съ тобой, милый Коко? Отчего ты не пришелъ ко мнѣ? Развѣ случилось что? — перебивала она самое себя быстрыми вопросами.

«Mon cher ami Коко-о-о...—преступно проникла въ воспаленный мозгъ статскаго совѣтника совершенно неподходящая гривуазная пѣсенка. — Кокотка, ей-Богу, кокотка! — безумно подумалъ онъ, съ любопытствомъ разглядывая свою супругу.— Ну, чѣмъ она отличается? Та-же матеріальная выгода на умѣ, та-же лицемѣрная ласка ко всѣмъ и та-же обязательная праздность... Удивительно, что я этого не замѣчалъ раньше!»

— Что-же ты не отвѣчаешь ничего, милый?—ластилась къ нему очаровательная супруга. — Я и дѣти такъ соскучились по тебѣ...

— Дѣти?—воскликнулъ супругъ,—дѣти? Какая-же надобность имъ до меня? Развѣ ты уже расчитала и гувернантку, и бонну и хочешь на меня возложить эти обязанности?

— Что съ тобой, другъ мой? ты нездоровъ?—съ тревогой спросила супруга.

— Да!—отвѣчалъ Николай Ивановичъ,—я, дѣйствительно, нездоровъ! И знаешь-ли почему? Потому, что только сегодня лишь понялъ, что мы съ тобой — нищіе и что у насъ рѣшительно ничего нѣтъ!

Прелестное личико выразило изумленіе и испугъ.

—Ничего, рѣшительно ничего!—продолжалъ развивать свою мысль Николай Ивановичъ,—по крайней мѣрѣ, изъ того, что необходимо каждому человѣку! Природу я видѣлъ лѣтъ двадцать назадъ, настоящаго аппетита тоже съ тѣхъ поръ не чувствовалъ... тебя и дѣтей я вижу лишь изрѣдка, да и то не иначе, какъ въ видѣ какихъ-то фарфоровыхъ куколъ, а прямого и искренняго человѣка даже и въ глаза не видалъ. Скажи, пожалуйста: развѣ можно такъ жить?.. И если-бы цѣною такихъ ужасныхъ лишеній я приносилъ какую-нибудь пользу отечеству, — я могъ-бы еще примириться съ этимъ! Но я приношу одинъ только вредъ и дѣлаю это единственно для того, чтобы потерять окончательно человѣческій образъ и пріобрѣсти образъ китайскаго идола. О, какъ счастливы тѣ, которые не сознаютъ этого!

— Приди въ себя, другъ мой,—уговаривала его супруга.— Развѣ можно такъ волноваться безъ всякой причины и говорить такія глупости?! Ты нездоровъ, ты усталъ, вѣрно, на службѣ. Прилягъ, отдохни! я велю приготовить тебѣ постель здѣсь, на диванѣ...

— Да,—согласился супругъ,—это ты умно придумала, и, кажется, тоже въ первый разъ въ жизни... Мнѣ, дѣйствительно, надо отдохнуть: я очень усталъ отъ безконечнаго ничегонедѣланія!

Евгенія Александровна рѣшила послать за докторомъ, а пока уложила своего мужа на мягкій широкій диванъ и, обложивъ его подушками, приставила наблюдать камердинера и экономку, а сама поспѣшно прошла въ гостиную, гдѣ ее ожидала уже весьма вліятельная особа.

«Забыться... какъ это хорошо! — говорилъ самъ себѣ Николай Ивановичъ, протягиваясь на мягкомъ диванѣ. — Забыться настолько, чтобы чувствовать себя совсѣмъ непричастнымъ къ теперешней жизни!.. Какое было-бы счастье, если-бы можно было найти такой уголокъ, въ которомъ можно было-бы спрятаться отъ ужасной дѣйствительности... но гдѣ-же теперь разыскать его?.. А эту дѣйствительность можетъ поправить развѣ только чудо! Въ самомъ дѣлѣ, теперь, вѣдь, какъ разъ такая пора, когда чудеса должны являться на свѣтѣ... Но чего-же мнѣ пожелать, хотя-бы отъ чуда? Отупѣнія? озвѣренія? окончательной потери столь поздно проявившагося во мнѣ сознанія? Нѣтъ, я этого желать не могу! Вотъ развѣ радикальной перемѣны своего положенія — это такъ! Не хочу быть больше статскимъ совѣтникомъ! не хочу безплодно разговаривать въ разныхъ комиссіяхъ и дѣлать карьеру, нося въ себѣ душевное состояніе Каина!.. Но тогда чѣмъ-же мнѣ быть? Простымъ крестьяниномъ-хлѣбопашцемъ? Гм! ужъ что-то слишкомъ мизерно; да еще, пожалуй, и высѣкутъ... кто ихъ тамъ знаетъ, какъ примѣняютъ они новый законъ!.. Вотъ ремесленникомъ-производителемъ, это—дѣло иное... сапожникомъ, напримѣръ... какъ ты тамъ ни толкуй, какія теоріи ни придумывай, а безъ сапогъ моихъ ты не обойдешься, и, стало быть, весь мой трудъ непремѣнно на пользу и ни вымаливать, ни выпрашивать ничего ни у кого мнѣ не нужно!.. «Возвышенныя рѣчи намъ не помогутъ»... Разумѣется, не помогутъ, такъ какъ никто имъ не вѣритъ теперь и, прежде всѣхъ, тѣ, которые говорятъ ихъ... Нѣтъ, сапожникомъ быть куда лучше!»

И съ этою мыслью Николай Ивановичъ крѣпко заснулъ.

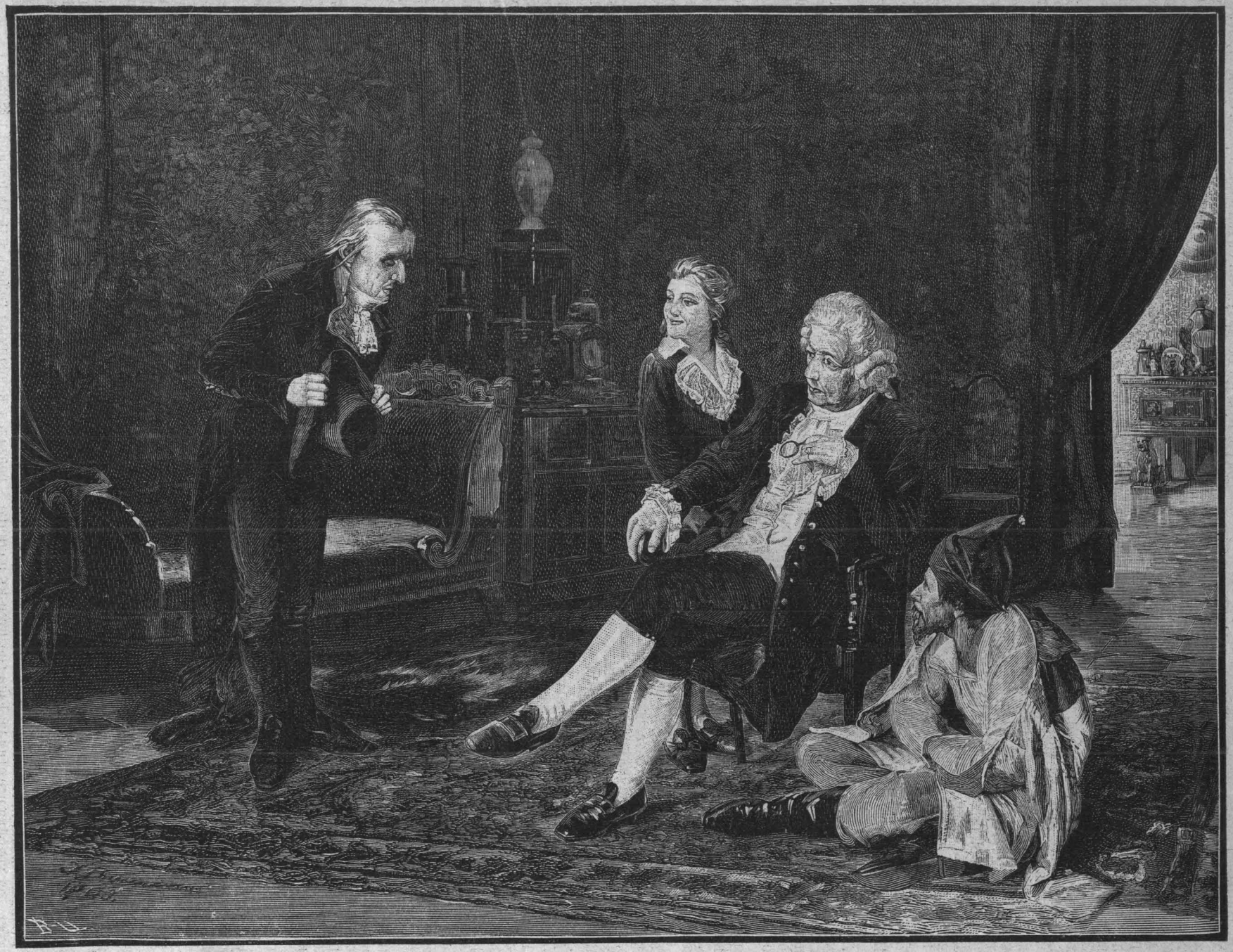
Его разбудилъ крѣпкій толчокъ въ бокъ и раздраженный голосъ супруги:

— Да вставай-же ты, Иродъ! вставай, мучитель!—кричала она, стаскивая, съ него старенькое ситцевое одѣяло.—Скажите, добрые люди! уже седьмой часъ, а онъ спьяна дрыхнетъ! Съ чѣмъ-же я на рынокъ пойду, дьяволъ ты эдакій!

Николай Ивановичъ вздрогнулъ и раскрылъ глаза. Предъ нимъ, дѣйствительно, стояла его Евгенія Александровна, теперь уже попросту Евгеша... Но, Боже! какъ измѣнилась она! Прежней кокетливой граціи не было и въ поминѣ; роскошныя, выхоленныя формы исчезли и замѣнились какой-то болѣзненной дряблостью; а, вмѣсто роскошнаго туалета, на ней трепалась старенькая, засаленная блузка. Только большіе голубые глаза остались прежніе, но въ нихъ не видно было сухого, фальшиваго блеска: они свѣтились тревогою и глубокой печалью. Сердце Николая Ивановича упало: онъ понялъ, что чудо свершилось и желаніе его быть сапожникомъ осуществилось.

Онъ оглянулъ свою обстановку. Въ темной каморкѣ, куда свѣтъ проникалъ прямо съ панели, кромѣ кровати, на которой онъ лежалъ, стояли еще сапожный верстакъ, маленькій некрашенный шкафчикъ, такой-же столъ и нѣсколько табуретовъ; въ промежуткахъ валялись обрѣзки кожи и давно не метеный соръ. Дѣти, до крайности грязныя и оборванныя, спали въ повалку въ противуположномъ углу на кучѣ соломы, прикрытой какимъ-то тряпьемъ. Увидѣвъ это, Николай Ивановичъ почувствовалъ прежнюю боль подъ ложечкой.

— Вставай-же, вставай!—теребила его жена.—Вишь, проклятый! деньги-то, что вчера получилъ, всѣ пропилъ; а теперь я съ дѣтьми голодная буду сидѣть? Вставай!



ЧА ДОЛЖНОСТЬ ВОСПИТАТЕЛЯ. Съ картины **І. К. Винцмана** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій**.

— Голубка моя,—кротко отвѣтилъ Николай Ивановичъ, натягивая на себя заштопанныя въ десяти мѣстахъ брюки,—съ горя, вѣдь, я!.. Ходилъ въ четыре мѣста вчера, всѣ ноги отбилъ, а получилъ всего-на-всего восемь гривенъ... Говорятъ—«приходи завтра».

— Мало-ли что!—смягчилась жена,—а все пропивать не слѣдовало. А въ магазинъ готовой обуви ходилъ?

— Ходилъ, радость моя. Вотъ уже другой мѣсяцъ хожу; все говорятъ: некогда намъ разбираться съ твоими ботинками... А работа гніетъ да сохнетъ.

— Не знаю ужъ, какъ и быть мнѣ съ тобой,—печально говорила Евгеша, подперевъ щеку рукой и качая головой изъ стороны въ сторону.—Ну, какой ты мужъ, какой ты отецъ дѣтямъ? Я хожу у тебя вся оборванная, дѣти сидятъ голодныя и холодныя... А, вѣдь, подумай, что ихъ чему-нибудь обучить надо,—не въ жулики-же ихъ записывать!.. А ты ни о чемъ думать не хочешь и только пьянствуешь.

Николай Ивановичъ сознавалъ всю горечь упрековъ своей жены, но понималъ также и то, что онъ нисколько не виноватъ въ этомъ. Онъ вспомнилъ, что, въ то время какъ его дѣти должны пропадать безъ ученья, обезпеченные всѣмъ господа не хотятъ вовсе учиться, и это раздражало его до крайности.

— Ну, молчи ужъ,—крикнулъ онъ, подымая кулакъ,—что ты ме я поѣдомъ ѣшь! Самъ знаю, что дѣла наши плохи, да что-жъ я подѣлаю, когда люди, какъ волки! Мало я наработалъ? Поди, продай, все за настоящую цѣну—такъ и будешь сыта. Гдѣ-жъ я возьму? Не воровать-же идти!

— Лучше ужъ воровать, чѣмъ такъ маяться!—не утерпѣла Евгеша.—Теперь, говорятъ, люди съ воровства только и сыты бываютъ...

Сапожникъ ощутилъ сильное желаніе оттаскать за косы свою сожительницу, однако, воздержался отъ этого и только сердито плюнулъ. Затѣмъ, надѣвъ свой рваный картузъ и сильно хлопнувъ дверью, онъ вышелъ не ѣвши на улицу.

— Ишь, подлая баба, язвитъ день и ночь!—бормоталъ онъ, торопливо шагая по троттуару.—Нѣтъ, чтобы поднести мужу опохмелиться да закусить чего... Господи, какъ ноетъ подъ ложечкой!.. Только ругается. А за что ругать-то? Наработано у меня очень достаточно, вотъ получить только...

И сапожникъ прибавилъ шага.

Скоро онъ дошелъ до многоэтажнаго дома, гдѣ жилъ одинъ баринъ, которому онъ въ началѣ прошлаго мѣсяца снесъ заказанные сапоги и съ тѣхъ поръ никакъ не могъ застать его дома. Подойдя къ подъѣзду, сапожникъ осторожно позвонилъ у дверей.

— А, это—ты?—встрѣтилъ его, очевидно, знакомый швейцаръ.—Ступай, братецъ! Нѣту, нѣту барина дома.

— Василій Прокофьичъ! Будьте милостивы, ужъ сколько хожу!—жалобно упрашивалъ сапожникъ.—Будьте покойны: какъ только получу, такъ тотчасъ для васъ съ полнымъ моимъ удовольствіемъ!..

— Чудакъ ты, братецъ! Да когда-же и въ правду его никогда не бываетъ дома! А теперь, хоть и дома онъ, такъ тебѣ отъ того никакой выгоды, потому что проигрался въ конецъ: и часы съ себя, и запонки, все! Только сейчасъ вернулся, а теперь спитъ. Что-жъ, проходи, если хочешь, чтобы тебѣ въ шею наклали!

Сапожникъ понурилъ голову и, глубоко вздохнувъ, отошелъ отъ подъѣзда.

Черезъ нѣсколько улицъ жила бѣлошвейка, получившая недавно ботинки съ его-же товаромъ. Николай Ивановичъ порѣшилъ зайти къ ней. Приходилось подниматься въ пятый этажъ, что на голодный желудокъ было не весьма удобно; но сапожникъ не обратилъ на это вниманіе и бодро пересчиталъ цѣлый десятокъ лѣстницъ. На сей разъ онъ подошелъ къ двери уже безъ всякой осторожности и сильно постучалъ въ нее. Ему отворила совершенно раздѣтая дѣвушка и тотчасъ-же спряталась подъ одѣяло.

— Что-же вы, барышня, когда отдадите мнѣ деньги?—грубо спросилъ сапожникъ, остановившись посреди комнаты.

— Нѣту, миленькій, нѣтъ у меня ни копейки!—отвѣчала съ постели дѣвушка.—Такія трудныя обстоятельства... приходите какъ-нибудь послѣ.

— Плевать мнѣ на ваши обстоятельства!—раздраженно крикнулъ сапожникъ.—Вы мнѣ деньги мои подайте, вотъ что.

— Не могу, милый! Дѣлайте со мной, что хотите, а денегъ у меня теперь нѣтъ.

— Что вы разсказываете! Точно не знаю я, что вы, кромѣ шитья, еще кое-чѣмъ и другимъ зарабатываете!

— Правда, милый, истинная ваша правда: вотъ еще вчера заработала... да хозяйка все отняла. Еще грозится въ полицію отвести, потому, говоритъ, мало. Подождите, ради Христа!

Сапожникъ махнулъ рукой и снова пересчиталъ десять лѣстницъ.

«Ну, теперь пойду на рынокъ, къ купцу Востроухову.—сказалъ онъ себѣ.—Деньги у него есть—и хоть зубами да вырву!»

Исколесивъ порядочное пространство, онъ добрался, наконецъ, до рядовъ, гдѣ помѣщалась лавка купца Востроухова; но прошелъ не прямо въ ряды, а черезъ узкій дворъ, заваленный всевозможными тюками, и сразмаху отворилъ какую-то дверь. Купецъ Востроуховъ сидѣлъ какъ разъ спиною къ этой двери, за высокою деревянною стойкою. При видѣ внезапно появившагося сапожника маленькіе глаза его забѣгали во всѣ стороны.

— Милости просимъ, почтеннѣйшій!—иронически привѣтствовалъ онъ нежданнаго гостя.—Съ чѣмъ пожаловали? Чѣмъ прикажете угощать васъ?

— Должокъ съ вашей милости за сапоги... три съ полтиною... дозвольте, пожалуйста, получить!—съ невольной дрожью въ голосѣ сказалъ сапожникъ.

— Три съ полтиною?—удивился купецъ.—А я такъ за тобой семь съ полтиной считаю! Ты мнѣ товаръ испортилъ, вотъ смотри: скоро разойдутся совсѣмъ!—протянулъ онъ къ сапожнику свою громадную ногу.

— Ничего я не портилъ: все сдѣлано въ аккуратѣ; а я вижу, что вы отдать не хотите. Дозвольте получить, а то, ей-Богу, къ мировому пойду!

— Къ мировому?!. Ахъ, ты, шишига московская! къ мировому! А дозвольте спросить: кто видѣлъ, какъ ты мнѣ сапоги отдавалъ? Въ какомъ контрактѣ наши условія обозначены?

Сапожникъ весь дрожалъ отъ обиды и безсильной злобы и не зналъ, что отвѣтить на это.

— Ну, ужъ такъ и быть: вотъ тебѣ рубль на бѣдность!—сказалъ купецъ, бросая на полъ цѣлковый. — Эй, молодцы! гоните его въ шею живѣе!

Сапожникъ бросился на деньги; но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ поднять ихъ, кто-то сильно толкнулъ его въ спину, кто-то ударилъ по шеѣ, и, самъ не сознавая, какъ это вышло, онъ очутился опять на дворѣ. Горько обиженный и сильно помятый, присѣлъ онъ на тюкъ, утирая грязной рукой катившіяся по щекамъ слезы.

— Вотъ тебѣ и работалъ! вотъ тебѣ и старался!—повторялъ онъ въ глубокомъ отчаяніи.—А жена еще говоритъ, что не хочу я работать, а только пьянствую... Да лучше-бы я эти дни въ кабакѣ просидѣлъ, лучше-бы къ волку въ берлогу пошелъ, чѣмъ ходить къ этому звѣрю! Ну, и народъ-же теперь!..

Сапожникъ сидѣлъ, а голодъ все сильнѣе давалъ себя чувствовать.

— Нечего дѣлать,—вздохнулъ онъ,—гдѣ наше не пропадало! Поплетусь-ка къ Сайкину: этотъ человѣкъ богатый, степенный, образами торгуетъ, такъ ужъ, вѣрно, не обидитъ меня.

И сапожникъ поднялся съ тюка.

Купецъ Сайкинъ, дѣйствительно, торговалъ образами, церковными облаченіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, держалъ отдѣленіе готовой обуви, принимая послѣднюю отъ мастеровыхъ. Мѣсяцъ слишкомъ тому назадъ нашъ сапожникъ сдалъ ему шесть паръ готовыхъ ботинокъ и до сихъ поръ не могъ узнать объ ихъ участи.

Долго онъ стоялъ предъ дверьми магазина, не рѣшаясь войти туда. Наконецъ, усталость и голодъ придали ему храбрости и онъ толкнулъ страшную дверь.

— Что тебѣ надо?—подбѣжалъ къ нему юркій приказчикъ.

— Я здѣсь ботинки сдалъ, — робко выговорилъ сапожникъ.

— Какіе ботинки? Теперь некогда, приходи завтра.

— Да помилуйте, я и такъ второй мѣсяцъ хожу!

— Второй мѣсяцъ? А ты думаешь, что у насъ, кромѣ твоихъ ботинокъ, другого и дѣла нѣтъ? Походишь и больше!

— Явите Божескую милость!—смиренно умолялъ сапожникъ,—извелся совсѣмъ!

Приказчикъ недовольно передернулъ плечами и, выйдя изъ магазина, скоро вернулся съ чѣмъ-то похожимъ на обувь, которую онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ.

— Вотъ твои ботинки!—сказалъ онъ, бросая ихъ на полъ,—контора не можетъ принять ихъ: они не годятся!

Проговоривъ это, онъ исчезъ безъ слѣда.

Сапожникъ всплеснулъ руками, увидѣвъ свою работу, стоившую ему столькихъ безсонныхъ ночей, въ которую онъ вдобавокъ вложилъ всѣ свои сбереженія. Ботинки были покрыты пылью и грязью, поломаны, покороблены и даже пробиты въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Совершенно обезумѣвъ отъ свалившагося на него несчастья, онъ хотѣлъ закричать «караулъ», разбить что-нибудь или просто впиться въ кого-нибудь зубами; однако, стоялъ неподвижно надъ кучей своего товара, съ любопытствомъ оглядываемый проходившими покупателями.

— Что-же это до сихъ поръ не уберутъ этого оборванца!—раздался невидимый голосъ изъ-за рѣзной стойки.

Сапожникъ глубоко вздохнулъ и, не ожидая дальнѣйшихъ мѣропріятій, собралъ свои ботинки и, шатаясь, вышелъ за дверь.

«Куда-же я понесу ихъ? — сказалъ онъ съ крайнимъ отчаяніемъ.—Домой и думать нечего: жена умретъ съ горя»...

Онъ постоялъ, постоялъ и направился къ старьевщику

— Здравствуйте, Николай Ивановичъ! Какъ поживаете? — встрѣтилъ его сухой старичекъ неопредѣленной національности, пронизывая его, какъ гвоздями, своими черными глазками.—Что это такое у васъ?

— Вотъ... товаръ принесъ... не купите-ли?..—пробормоталъ тотъ, сбрасывая на прилавокъ свою печальную ношу.

— Помилуйте, какой-же это—товаръ, это—хламъ!—сказалъ старичекъ, отодвигая его рукою и продолжая смотрѣть прямо въ глаза продавца, тщательно минуя принесенное. — Гдѣ вы его достали?

Николай Ивановичъ хорошо понималъ, что откровенничать ему не полагается. Но боль отъ обиды была такъ тяжела, такъ велика была потребность высказать кому-нибудь свое горе, что, позабывши всякую осторожность, онъ подробно передалъ старьевщику всѣ свои дѣла съ конторою Сайкина. Во время разсказа старьевщикъ жмурилъ глаза, поджималъ губы и, по окончаніи его, рѣшительно отодвинулъ ботинки рукой.

— Не годится! — съ убѣжденіемъ сказалъ онъ, отворачиваясь отъ продавца.

Сапожникъ опѣшилъ.

— Какъ-же такъ? Вѣдь, вы все принимаете?

— Принимаю. И эту рвань, пожалуй, приму... за три рубля.

— Побойтесь Бога! Здѣсь одного товара на четвертную!

— Мало-ли что... А больше дать я не могу!

Старьевщикъ ушелъ и сталъ копаться въ глубинѣ лавочки.

Николай Ивановичъ понялъ свою оплошность, но было ужъ поздно: до другой лавочки было далеко, а идти уже силъ не хватало. Кромѣ того, страшный голодъ, какъ ножомъ, рѣзалъ его внутренности. Ничего не оставалось, какъ согласиться...

— Давайте! — хрипло вымолвилъ онъ и, зажавши въ рукѣ зеленую кредитку, ни о чемъ не думая, ничего не сознавая, направился прямо въ ближайшій трактиръ.

Довольно большой стаканъ вина, перелитаго изъ сороковки, воскресилъ его, а кусокъ чернаго хлѣба съ селедкою доставилъ ему такое удовольствіе, какого онъ никогда не испытывалъ на самыхъ тонкихъ обѣдахъ.

Николай Ивановичъ повеселѣлъ и горючая злоба, до того камнемъ лежавшая у него на сердцѣ, сразу утихла.

«Что-жъ дѣлать, такова уже судьба! — думалъ онъ, съ наслажденіемъ пережевывая закуску. — И какъ подумаешь: сколько я толковалъ въ разныхъ гостиныхъ о вредѣ пьянства и какъ горячо требовалъ прекращенія продажи вина для народа! А вотъ теперь интересно-бы знать: куда-бы пошелъ я, если-бы мнѣ не дали выпить и закусить? На разбой, не иначе какъ на разбой, больше некуда!.. А вотъ выпилъ — и все мнѣ теперь трынъ-трава! Попробовать развѣ еще сороковку? Жена? Господь съ ней! Она только и думаетъ, чтобъ ѣздить на мнѣ, точно я ей кабальный какой достался... Вотъ дѣтей жалко... пожалуй, что еще и не ѣли сегодня»...

При воспоминаніи о дѣтяхъ совѣсть сильно заговорила въ душѣ сапожника и, какъ ни пріятно ему было сидѣть въ уютномъ трактирѣ, какъ ни хотѣлось еще полакомиться,—онъ наскоро расплатился и чуть не бѣгомъ побѣжалъ къ себѣ на квартиру.

Дома онъ неожиданно засталъ полный порядокъ: дѣти были умыты и смирно сидѣли въ углу, играя какими-то палочками, а въ небольшой печуркѣ горѣлъ яркій огонь и что-то кипѣло въ горшкѣ.

Видъ домашняго очага еще болѣе успокоилъ наболѣвшее сердце Николая Ивановича.

— Ну, Евгеша, — ласково сказалъ онъ, обнимая жену, — Богъ, должно быть, скоро намъ милость пошлетъ, а теперь пока еще ничего не видно... Гдѣ-же это ты денегъ достала?

— Лавочница за поденщину сорокъ копеекъ отдала,—тихо отвѣчала жена. — А у тебя какъ?

— У меня, голубка, тоже не густо. Вотъ! — сказалъ онъ, подавая ей засаленный кошелекъ, — тутъ два рубля семьдесятъ копеекъ... Было три, да ужъ прости, Христа ради, измаялся, зашелъ закусить...

Евгеша укоризненно покачала головой.

— Что-же такъ мало, однако?

— Не даютъ больше — что дѣлать! И то чуть не исколотили до смерти...

— А у Сайкина былъ?

— Былъ. Говорятъ, не разсмотрѣли еще...

Евгеша снова вздохнула и пытливо посмотрѣла на мужа.

— Кто-же это тебѣ сказалъ? самъ хозяинъ?

— Нѣтъ, до хозяина я не добрался... выходилъ такъ какой-то жуликъ.

— Зачѣмъ-же онъ держитъ такихъ? Вѣдь, онъ образами торгуетъ!

— А я почемъ знаю! Должно быть, затѣмъ, чтобы половче околпачивать нашего брата! — съ горечью молвилъ сапожникъ, чувствуя, что необходимость обманывать жену вызываетъ въ немъ прежнее раздраженіе за обиду.

Однако, они мирно пообѣдали и накормили дѣтей.

— Знаешь, Никеша, — сказала ему послѣ обѣда жена, — завтра надо будетъ тебѣ снова идти за получками.

— Не пойду я! — мрачно отвѣтилъ мужъ.

— Какъ не пойдешь? За квартиру у насъ уже цѣлый мѣсяцъ не плачено и дворникъ сказалъ, что завтра-же сгонитъ съ квартиры.

— Небось, не сгонитъ. Не пойду я больше...

— Что это ты? съума, что-ли, спятилъ? Ну, хорошо! Не хотѣла я говорить, а когда ты такъ, то я все разскажу. Этотъ Никита, дворникъ-то, уже давно ко мнѣ подлещается, чтобы я, значитъ, пришла къ нему... «Придешь,—говоритъ,—такъ я тебѣ рупь дамъ и работу тебѣ выгодную найду, и за квартиру налегать не стану. А не придешь — выгоню тебя съ твоимъ дуракомъ-мужемъ и со щенками твоими на улицу!..»

Николай Ивановичъ похолодѣлъ. Къ этой измозженной трудомъ и лишеніями подругѣ онъ почувствовалъ такую жгучую ревность, какой никогда не чувствовалъ, видя ее до-нельзя декольтированной красавицей въ объятіяхъ назойливыхъ ловеласовъ.

— Что-же онъ Бога не боится, что-ли? — вымолвилъ онъ черезъ силу.

— Должно быть, что такъ. Я уже говорила ему: «Никита! Побойся ты Бога, у меня мужъ, дѣти»... А онъ только смѣется, подлецъ. «Отъ этого, — говоритъ, — твоихъ дѣтей не убудетъ!..»

Николай Ивановичъ сцѣпилъ зубы и сжалъ кулаки въ отчаянномъ бѣшенствѣ. Онъ хотѣлъ сейчасъ-же броситься въ дворницкую и исколотить своего обидчика до смерти; хотѣлъ исколотить и жену, въ твердость которой не вѣрилъ, подозрѣвая ее въ лукавствѣ. Но такъ какъ онъ былъ не настоящій сапожникъ, то ничего этого не сдѣлалъ, а, бросившись ничкомъ на супружеское ложе, сталъ разсуждать.

— Звѣри, настоящіе звѣри! — шепталъ онъ, прижимаясь лицомъ къ грязной подушкѣ. — Рвутъ прямо зубами, отнимаютъ послѣдній кусокъ, отнимаютъ жену!.. И хотя-бы дѣлали это съ голода, а то просто изъ баловства! Что съ ними дѣлать? Какъ отбиться отъ нихъ? Будь я богатъ и знатенъ—дѣло другое, а теперь кто защититъ меня?!

Наступилъ поздній вечеръ. Евгеша наскоро собрала дѣтямъ поѣсть и, уложивши ихъ, подвалилась къ своему мужу. Послѣдній грубо отстранился отъ ея ласки и долго ворочался на постели, снѣдаемый ревностью и обидой. Но, какъ ни болѣло у него на душѣ, страшная усталость брала свое, и онъ началъ уже засыпать, какъ вдругъ раздался странный шорохъ за дверью. Николай Ивановичъ насторожился.

— Евгеша, а, Евгеша! — шепталъ за дверьми чей-то голосъ, — выходи, что-ль!

Сапожникъ задрожалъ: онъ узналъ голосъ дворника.

— Выходи, — продолжалъ голосъ, — а то худо будетъ!

Тутъ ужъ сапожникъ не могъ больше вытерпѣть. Схвативъ колодку, онъ бросился съ нею на своего обидчика и, какъ былъ въ одной рубахѣ, босой, выскочилъ съ нимъ вмѣстѣ на дворъ. Оба повалились на мостовую въ отчаянной дракѣ.

Засвистѣли свистки, прибѣжала полиція и крѣпко связаннаго Николая Ивановича, такъ какъ онъ царапался и кусался, какъ звѣрь, отвезли въ участокъ, гдѣ и бросили на холодный, липкій полъ, въ темной каморкѣ.

Невозможно передать состояніе несчастнаго производителя необходимыхъ цѣнностей, когда онъ опомнился, наконецъ, въ своемъ новомъ положеніи. Тоска по семьѣ, горечь напрасной обиды, страхъ наказанія и физическая боль доставляли ему невыразимыя муки.

— Что-жъ это у насъ: разбойный вертепъ или волчья берлога?—кричалъ онъ въ полномъ отчаяніи.—Свои-же братья грабятъ, мучатъ меня, и начальство за нихъ-же еще заступается! Кто-жъ мнѣ поможетъ?.. Спасите меня, спасите!..

Со страшнымъ крикомъ, Николай Ивановичъ... проснулся. Онъ лежалъ на мягкомъ диванѣ, въ своемъ богатомъ кабинетѣ. Надъ нимъ наклонился благообразный докторъ, крѣпко державшій его за руки. Рядомъ стояла Евгенія Александровна съ выраженіемъ явной тревоги на лицѣ. Николай Ивановичъ хотѣлъ протереть глаза, но руки его были заняты.

— Успокойтесь, сударыня, — обратился докторъ къ его супругѣ, наконецъ, выпуская его руки. — Ничего опаснаго нѣтъ. Кризисъ уже миновалъ и не повторится болѣе; съ недѣльку еще протянутся недомоганіе и ломота, а затѣмъ все кончится благополучно.

— Вы увѣрены въ этомъ, докторъ? — настаивала Евгенія Александровна.

— Помилуйте, сударыня! какое-же можетъ быть тутъ сомнѣніе! Этой болѣзнью половина Петербурга переболѣла, и мы знаемъ ее, какъ свои пять пальцевъ.

— Слава Богу! Ну, какъ ты себя теперь чувствуешь?—подошла она робко къ супругу.

— Хорошо! Весьма хорошо!.. Но неужели это былъ только сонъ?

ГОРЕ. Съ картины **И. Л. Горохова** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

КЛЕОПАТРА и ЦЕЗАРЬ. Съ картины **К. Б. Венига**; гравир. для „Родины“ **Н. Соболевъ.**

— Да. Ты былъ въ забытьѣ и страшно метался и бредилъ. Я было уже перепугалась совсѣмъ...

— Хорошо... Ахъ, какъ хорошо!—повторялъ Николай Ивановичъ, оглядывая попрежнему милую ему обстановку. — Такъ это былъ только сонъ!..

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, ощущая полнѣйшее довольство во всемъ организмѣ.

«Хорошо, что у насъ хоть не бываетъ чудесъ!—думалъ онъ.—Что-бы было со мной, если-бы этотъ сонъ совершился вдругъ наяву?! Нѣтъ! При теперешнемъ состояніи нашего общества нельзя быть сапожникомъ, а надо быть генераломъ,— какъ ни плохо, а все-таки лучше!.. И теперь мнѣ понятны всѣ стремленія моихъ соотечественниковъ: тутъ дѣло не въ положительныхъ радостяхъ, а въ спасеніи себя отъ ярости своихъ ближнихъ»...

— Женичка!—подозвалъ онъ жену.—Если не ошибаюсь, то къ намъ на-дняхъ должна была пріѣхать сама Олимпіада Анастасьевна. Что? была она у насъ? Надѣюсь, что ты сумѣла принять ее, какъ слѣдуетъ. Не помѣшалъ я?—тревожно спросилъ Николай Ивановичъ.

— Нисколько. Она весьма жалѣла тебя и вообще отнеслась къ намъ съ трогательнымъ участьемъ...

— Очень радъ. Такъ вотъ что, мой другъ: поѣзжай ты къ ней сегодня-же, пока она еще не забыла о насъ, поблагодари ее отъ меня, какъ можно сердечнѣе и... знаешь что, Женя?.. не можетъ-ли она замолвить словечко о томъ, чтобы меня назначили еще въ какую-нибудь комиссію... Если нельзя въ комиссію по распродажѣ имуществъ, то хоть по раздачѣ подарковъ раненымъ... Это необходимо для насъ.

КОНЕЦЪ.

Научи.

Научи, какъ тебя разлюбить, позабыть,
Быть холоднымъ ты сердце мое научи!
Знаю, чувствую я,— безъ тебя мнѣ не жить,
И напрасно твержу сердцу я: «замолчи!».

* * *

Что-бъ ни думалъ, ни дѣлалъ-бы я — ты со мной:
Вижу блескъ твоихъ глазъ, слышу голоса звукъ,
На губахъ чую твой поцѣлуй огневой,
Млѣю съ радости весь и горю весь отъ мукъ.

* * *

Знаю, чувствую я,— разлюбить нѣту силъ
Мнѣ тебя... Нѣтъ, я глубже, сильнѣй сознаю,
Что тебя такъ еще никогда не любилъ,
Какъ теперь, беззавѣтно, безумно люблю!

Ш. Парамоновъ.

Въ темную осеннюю ночь.

Этюдъ **Петра Агрипинина.**

О, какъ много говоришь ты мнѣ, темная осенняя ночь! Не юная, улыбающаяся весна, не горячее, полное страсти и нѣги лѣто волнуютъ меня, а ты, ты, холодная, темная осенняя ночь.

Сколько разнородныхъ чувствъ будятъ въ заснувшей душѣ моей твои далекія тоскливыя звѣзды! Сколько оборванныхъ струнъ заставляетъ трепетать щемящая мелодія грустнаго вѣтра, что такъ заунывно стонетъ въ эту темную осеннюю ночь.

Звенятъ заржавѣвшія струны, пугливо слетаютъ съ нихъ дремавшіе звуки прошлаго, въ мощный аккордъ сливаются они и разсыпаются жемчужными брызгами, разбиваясь о мою усталую грудь. Какъ отъ брошеннаго въ воду камня далеко-далеко разбѣгаются испуганные круги, такъ цѣлый рой забытыхъ образовъ встаетъ и робко проносится въ безжалостно разбитомъ сердцѣ моемъ въ эту темную осеннюю ночь.

Образы... много, много образовъ. Безпорядочною толпою бѣгутъ они, бѣгутъ далеко, въ безконечность, бѣгутъ, какъ эти безформенные лохмотья черныхъ тучъ, бѣгутъ, тѣснятся и давятъ другъ друга.

Съ тревогой вглядываюсь я въ загадочную темноту; все прошлое мелькаетъ предо мною...

«мнѣ улыбается
и звуки слышу я»...

Запущенный, тѣнистый садъ. Крутой обрывъ, усыпанный цвѣтами, надъ весело журчащимъ ручейкомъ. Покосившійся старый домъ и кругомъ цѣлое море розъ. Вечерняя заря догораетъ. Золотистый потокъ нѣжныхъ лучей, страстно обнимая яркіе цвѣточки, дрожитъ, улыбается, сбѣгаетъ по изумрудной зелени стебельковъ и какъ-бы неудержимо стремится навстрѣчу тѣмъ призывнымъ звукамъ, что мощною волною катятся изъ-подъ тонкихъ пальцевъ нѣжной руки молоденькой дѣвушки. Безпечный вѣтерокъ, нескромно врываясь въ открытыя окна, шаловливо перебираетъ ея разлетѣвшіеся локоны и нѣжно заглядываетъ въ чистые, невинные глаза, полные скрытой любви и доброты.

А звуки все льются и льются—то тихіе, грустные, то бурные, радостные.

Торопливо соскакиваютъ они, шумно вылетаютъ въ окутанный сумерками садъ, бѣгутъ къ крутому обрыву, на мгновеніе смѣшиваются съ болтливымъ ручейкомъ, затѣмъ снова бѣгутъ и западаютъ въ мою взволнованную душу.

«Ночь» Рубинштейна. Сколько затаенныхъ чувствъ, сколько тревожныхъ мыслей слышится въ этой чарующей мелодіи вдохновеннаго пѣвца!..

— «Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя»... — доносится изъ открытыхъ оконъ гибкое сопрано.

— «Мой нѣжный другъ.... люблю.... твоя»... — шепчутъ дрожащіе листочки.

— «Люблю.... твоя»...—подхватываетъ воркующій ручеекъ.

— «Твоя..... твоя... — повторяетъ эхо, — твоя»... — и замираетъ вдали...

Какъ хорошо! Какъ радостно бьется мое взволнованное сердце! Но темная осенняя ночь не щадитъ и рисуетъ другую картину.

Десятки разноцвѣтныхъ лампочекъ, живописно разбросанныхъ въ яркой зелени декоративныхъ растеній, мягко разливаютъ свой свѣтъ по бархатной мебели роскошной гостиной и причудливо играютъ въ тяжелыхъ бриллiантахъ, украшающихъ головку красивой молодой женщины. Она полулежитъ на дорогой софѣ и любовно перебираетъ блестящія золотыя монеты. Довольная, счастливая улыбка пробѣгаетъ по ея лицу, а изъ коралловыхъ губокъ вырывается тихій шепотъ:

— Сколько прелести, сколько гармоніи въ веселомъ звонѣ золота!

Порывисто встаетъ молодая женщина, быстро подходитъ къ маленькому, изящному піанино, и черезъ минуту дикій мотивъ цыганской пѣсни раздается въ гостиной:

«Принесите денегъ тьму—
Деньгамъ буду рада.
Деньги я отъ васъ возьму,
А любви—не надо.
Захочу—полюблю...
Захочу—разлюблю»...—

поетъ молодая женщина, съ лицомъ, прекраснымъ, какъ радостное майское утро, съ душой, какъ... темная осенняя ночь.

Быстро бѣгутъ хмурыя тучки; вѣтеръ стонетъ все тоскливѣе и тоскливѣе. Блѣднѣютъ далекіе образы, замираютъ оборванныя струны. Промчалось прошлое и тревожная мысль: «что будетъ дальше?», уже терзаетъ и мучитъ меня. Но темная осенняя ночь молчитъ и не даетъ отвѣта.

Снова одиноко стою я въ преддверіи будущаго, съ любопытствомъ заглядываю въ него: непроницаемая, тяжелая завѣса не поддается, нѣтъ силъ приподнять ее...

Темно. Ни одинъ лучъ не освѣтитъ загадочной дали, все сливается въ неопредѣленныя пятна, но я не останавливаюсь предъ невѣдомою далью. Нѣтъ, точно деревцо, увлекаемое могучимъ весеннимъ потокомъ, я бѣгу туда, пока не сорвусь и не погасну, какъ безслѣдно пролетаетъ и гаснетъ для чего-то оторванная отъ неба одинокая звѣзда, сливаясь съ твоимъ мрачнымъ, угрюмымъ покровомъ, темная осенняя ночь.

КОНЕЦЪ.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

Кедринскій не зналъ, что отвѣтить.

— Но... такой вопросъ... въ такой формѣ...

— Ничего не понимаю,—пожавъ плечами, сказала она.—Говорятъ, вы женитесь; говорятъ, ваша невѣста — массажистка. Я и спрашиваю, вѣрно-ли говорятъ? Не вижу въ этомъ вопросѣ ничего страннаго — ни въ основѣ, ни въ формѣ. Я всегда называю вещи своими именами и обо всемъ говорю прямо. Я ожидала отъ васъ прямого отвѣта и думала, что у васъ есть le courage de vos opinions *). А вы какъ-будто...

— Что какъ-будто?

— Какъ-будто конфузитесь.

— Ничуть! — горячо отвѣтилъ онъ. — Если вамъ это интересно — да, я женюсь и женюсь на... массажисткѣ.

Кедринскій съ удивленіемъ почувствовалъ, что ему было трудно выговорить это слово.

— Вамъ это кажется страннымъ?—спросилъ онъ чуть-чуть вызывающимъ тономъ.

— Страннымъ? Нѣтъ. Но это оригинально, а я люблю все оригинальное.

— Что-же тутъ оригинальнаго? — обидчиво спросилъ Иванъ Петровичъ.

Она подумала.

— Въ сущности, пожалуй, ничего,—сказала она — Женятся на женщинѣ, а не на профессіи, конечно. И если женщина нравится, отчего на ней не жениться? Но профессія накладываетъ извѣстный отпечатокъ на человѣка. Если есть профессіональныя болѣзни, то есть и профессіональные характеры... Я не вышла-бы замужъ за массажиста. Но это, конечно,—дѣло вкуса.

Иванъ Петровичъ нахмурился, ничего не отвѣтилъ, допилъ чай и нетерпѣливо посмотрѣлъ въ даль.

— Вы думаете, отчего это не идетъ Ольховскій?— спросила она насмѣшливо.

— Вы угадали.

— И еще вы думаете: для чего онъ меня познакомилъ съ этой дерзкой дѣвицей?

— На этотъ разъ не угадали: я этого не думалъ.

— Неправда. Вы хотите во что-бы то ни стало быть банальнымъ и не выйти изъ свѣтской корректности. Напрасно, хуже всего человѣкъ свѣтски-корректный. Онъ баналенъ, какъ весенній день, и скученъ, какъ осенній. Вы знаете,—вдругъ сдѣлала она неожиданный переходъ,—вашъ отецъ много мнѣ говорилъ о васъ и дѣлалъ намеки на желательность (для него) брака между нами, и даже на возможность. Онъ былъ убѣжденъ, что вы, увидя меня, увлечетесь. Но у васъ оказался неиспорченный вкусъ.

Иванъ Петровичъ сидѣлъ, какъ на гвоздяхъ, и рѣшительно не зналъ, что ей на все это отвѣтить. Она, видимо, наслаждалась его смущеніемъ и недоумѣніемъ.

— Я, право, не знаю, что вамъ сказать,—началъ онъ, чувствуя неловкость отъ продолжительнаго молчанія.

— Я это вижу,—сказала она насмѣшливо.—Если нечего сказать, то и не надо ничего говорить. Это — предразсудокъ, поддерживать разговоръ. Отвѣчу за себя: я-бы за васъ не вышла замужъ.

— Отчего? — живо спросилъ онъ, обрадовавшись возможности что-нибудь сказать.

— О, мужское самолюбіе! — воскликнула она, не понявъ его внезапнаго оживленія. — Потому что я терпѣть не могу добродѣтельныхъ людей. Это—высшая добродѣтель пренебречь всѣмъ, пожертвовать всѣмъ, идти наперекоръ всему, ради „идейной“ любви къ женщинѣ. Это пахнетъ романами шестидесятыхъ годовъ. И такіе люди — герои не моего романа.

— А какіе — вашего?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— По-моему, люди, которые ничѣмъ не жертвуютъ, интереснѣе. Они сильнѣе. Герои добродѣтели потомъ неизбѣжно начинаютъ раскаиваться и дѣлаютъ себѣ и другимъ каторгу. Эгоисту никогда и ни въ чемъ каяться не приходится. И потомъ, тотъ, кто чѣмъ-нибудь жертвуетъ, по-моему—слабый человѣкъ, потому что не имѣетъ силъ покорить свое чувство, совладать съ нимъ.

— Вы, вѣрно, никогда не любили?—съ оттѣнкомъ презрѣнія сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Любила... папу и маму,—отвѣтила она засмѣявшись, — но огнедышащихъ, землетрясательныхъ страстей не испытывала. И думаю, что не испытаю.

— Что-же, вы никогда не выйдете замужъ?

— Отчего? Всегда выйду, но только за человѣка, который не будетъ меня любить и котораго я не буду любить.

— Вы хотите быть оригинальной, — пожавъ плечами, сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Ничуть! Всѣ браки по страсти кончаются скверно и супруги ненавидятъ другъ друга. Начинаютъ съ самой высшей точки, но такъ какъ точка есть только точка, то страсть превращается въ любовь, любовь—въ привычку, привычка—въ равнодушіе, а равнодушіе—въ ненависть и... расхожденіе. Такъ лучше начать если не съ ненависти, то съ равнодушія и постепенно дойти до страсти. Вотъ почему надо жениться на женщинѣ, къ которой совершенно холоденъ, и въ теченіе брачнаго времени совершить путь восхожденія... ай! да вы меня, кажется, не слушаете?

Иванъ Петровичъ ея давно не слушалъ. Ему сдѣлалось скучно. Онъ упрекалъ себя за то, что пошелъ на этотъ вечеръ; лучше-бы онъ просидѣлъ этотъ вечеръ съ Юліей Алексѣевной. Ему предстоитъ съ ней скорая разлука—зачѣмъ было терять даже и одинъ день?

Съ какой-бы радостью онъ сейчасъ всталъ и ушелъ-бы отсюда! Но какъ это сдѣлать?

— Влюбленный человѣкъ глухъ къ вопросамъ философіи, — сказала смѣясь Нина Павловна.

Въ это время вернулся Матвѣй Семеновичъ.

— Держу пари, — проговорилъ онъ, подойдя къ нимъ,—что вы ссорились.

— Вы проиграли,— сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Вы выиграли,—сказала Нина Павловна. — По крайней мѣрѣ, я искала ссоры, но Кедринскій—скала, его ничѣмъ не проймешь.

— Отчего вы искали ссоры? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Да потому, что враждовать всегда пріятнѣе, чѣмъ дружить. Въ дружбѣ есть что-то или приторно сладкое, или кисло-сладкое; и то, и другое противно. Во враждѣ—горечь.

Она хотѣла сказать еще что-то, но за ней пришелъ кавалеръ, которому она обѣщала вальсъ.

Изъ большого зала неслись звуки военнаго оркестра.

— Какое у васъ хорошенькое платье! — сказалъ ей на-ходу ея кавалеръ, чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ области.

*) Т. е., мужество высказывать свои убѣжденія.

— Вамъ нравится?

— Очень.

— Что именно, фасонъ или цвѣтъ?

— И то, и другое. Цвѣтъ больше. Какъ онъ называется?

— Вы поучились-бы, какъ надо занимать дѣвицъ разговоромъ,—сказала она вполголоса, проходя мимо Ивана Петровича и отогнувъ къ нему голову.—Что?—спросила она громко своего кавалера: —цвѣтъ платья? Это—„цвѣтъ подавленнаго вздоха“.

И она громко засмѣялась.

— Что вы такой хмурый? — спросилъ Матвѣй Семеновичъ Кедринскаго.

— Зачѣмъ вы меня познакомили съ ней?

— Вотъ на! Она меня просила. Барышня интересная, сто очковъ нашимъ областнымъ впередъ дастъ.

— Не нахожу. Ломается.

Матвѣй Семеновичъ подумалъ съ минуту.

— Ну, что-же, есть немножко. Это не вредно.

Онъ хотѣлъ потащить Ивана Петровича въ залъ, гдѣ начались танцы, но Кедринскій уперся.

— Останьтесь здѣсь на минуту,—попросилъ инженера Кедринскій.—Я только и пришелъ сюда, чтобы повидаться съ вами. Я два раза былъ у васъ и не заставалъ.

— Я былъ въ отъѣздѣ,—отвѣтилъ Матвѣй Семеновичъ,—и пріѣхалъ часа три тому назадъ. Какъ Чацкій—съ корабля на балъ. Ну, положимъ, не съ корабля, а съ перекладной, но это еще хуже. А изъ насъ двоихъ вы все-таки больше похожи на Чацкаго. Пріѣхали на балъ, а видъ у васъ разочарованнаго философа и вы готовы, кажется, произнести громовую, обличительную рѣчь. А?

— Ничуть. Я хочу только спросить... то мѣсто, что вы обѣщали?.. Я могу на него расчитывать?

— Конечно, конечно, если вы такъ стоите за него. Я уже написалъ, куда слѣдуетъ. Жду отвѣта. Удивляюсь вамъ, — началъ было Матвѣй Семеновичъ, но вдругъ замолчалъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Да нѣтъ, не стоитъ. Все—то-же, не могу видѣть, когда человѣкъ дѣлаетъ глупости.

— Ахъ, это опять о томъ-же?..

— Ну да... Паки и паки. А, впрочемъ, отчего-же? Безъ глупости не проживешь. Такъ все идетъ на этомъ свѣтѣ и въ общей экономіи природы, можетъ быть, глупость играетъ не менѣе спасительную роль, чѣмъ... чѣмъ умность, если можно такъ сказать. А, впрочемъ, это уже—философія, то есть, область прелестной златокудрой Нины. Философію можно простить женщинѣ, если она очаровательна. Что вы говорите?

— Ничего... я слушаю.

— А я хочу, чтобы вы сказали: очаровательна златокудрая красавица или нѣтъ? Что?

— Не нахожу.

Вошелъ въ буфетную начальникъ области и сталъ укорять молодыхъ людей въ томъ, что они не идутъ танцовать.

Онъ прогналъ ихъ въ залъ и, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Иванъ Петровичъ сообщилъ Матвѣю Семеновичу о поѣздкѣ въ Петербургъ и потихоньку исчезъ изъ „дворца“.

IX.

Иванъ Петровичъ сидѣлъ въ вагонѣ, совершенно пустомъ, и дремалъ подъ мѣрный стукъ колесъ поѣзда, стукъ, казавшійся ему какой-то уныло-однообразной пѣсней съ двумя перемѣнными ритмами.

Уже двое сутокъ ѣхалъ онъ, нигдѣ не останавливаясь; даже обычныя остановки на станціяхъ его возмущали. Онъ не торопился пріѣхать, а торопился вернуться туда, откуда выѣхалъ съ тяжелымъ камнемъ на душѣ. И всякая остановка раздражала его, какъ ненужная помѣха.

Станціи мелькали за станціями; входилъ и выходилъ народъ; пейзажъ мѣнялся за окномъ на пейзажъ. Природа рѣзко измѣнилась. Горы исчезли; оживленныя станицы съ ихъ большими хуторами, тонувшими въ начинавшихъ зеленѣть садахъ, смѣнялись теперь почернѣвшими деревьями съ убогими избами и соломенными крышами. Деревья стояли еще обнаженныя и рѣдкія среди этихъ черныхъ, безнадежно тянувшихся до самаго горизонта полей, намокшихъ отъ дождя. По мѣрѣ того какъ Иванъ Петровичъ удалялся на сѣверъ, небо блѣднѣло и все становилося угрюмѣе и печальнѣе, по обѣимъ сторонамъ вагона, и дождь косыми полосами билъ въ окно.

Ивану Петровичу было скучно.

Онъ вспомнилъ тотъ маленькій городокъ, который ненавидѣлъ отъ всей души, живя въ немъ, и который казался Кедринскому угрюмымъ ссылочнымъ мѣстомъ, несмотря на дивную природу, окружающую его. Но теперь, когда онъ покинулъ этотъ городъ, онъ сталъ казаться ему какимъ-то далекимъ раемъ, добровольно брошеннымъ имъ. И тамъ, въ этомъ блаженномъ мѣстѣ, стоялъ маленькій домикъ, котораго ему никогда не забыть, какъ не забыть и хозяйки этого домика.

Если-бы этотъ городъ былъ осужденъ къ уничтоженію, какъ нѣкогда Содомъ и Гоморра, то онъ долженъ былъ-бы быть пощаженъ ради одного этого домика, въ которомъ пріютилась женщина, полная возможныхъ на землѣ добродѣтелей.

Зачѣмъ-же онъ покинулъ этотъ городъ и эту женщину?

Онъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ неоднократно во время пути, который казался ему безконечнымъ.

Что-то неудержимо повлекло его два дня тому назадъ изъ города. Ему хотѣлось уѣхать, хотѣлось уйти на время отъ счастья, овладѣвшаго имъ. Почему?

Онъ хотѣлъ доказать командиру полка и Матвѣю Семеновичу, и всѣмъ, всѣмъ тѣмъ, кто не одобрялъ его увлеченія, что разлука не повліяетъ на него. Они всѣ гнали его въ отпускъ, въ надеждѣ, что новыя впечатлѣнія разсѣятъ и развлекутъ его и онъ вернется обновленнымъ. Кажется, этого-же испытанія хотѣла для него и сама Юлія Алексѣевна. Ну, что-же? Онъ уступилъ имъ, онъ уѣхалъ. Заодно онъ исполнитъ и желаніе отца. И подъ предлогомъ свиданія съ нимъ, Кедринскій покинулъ все, чѣмъ только дышала душа его въ послѣдній годъ.

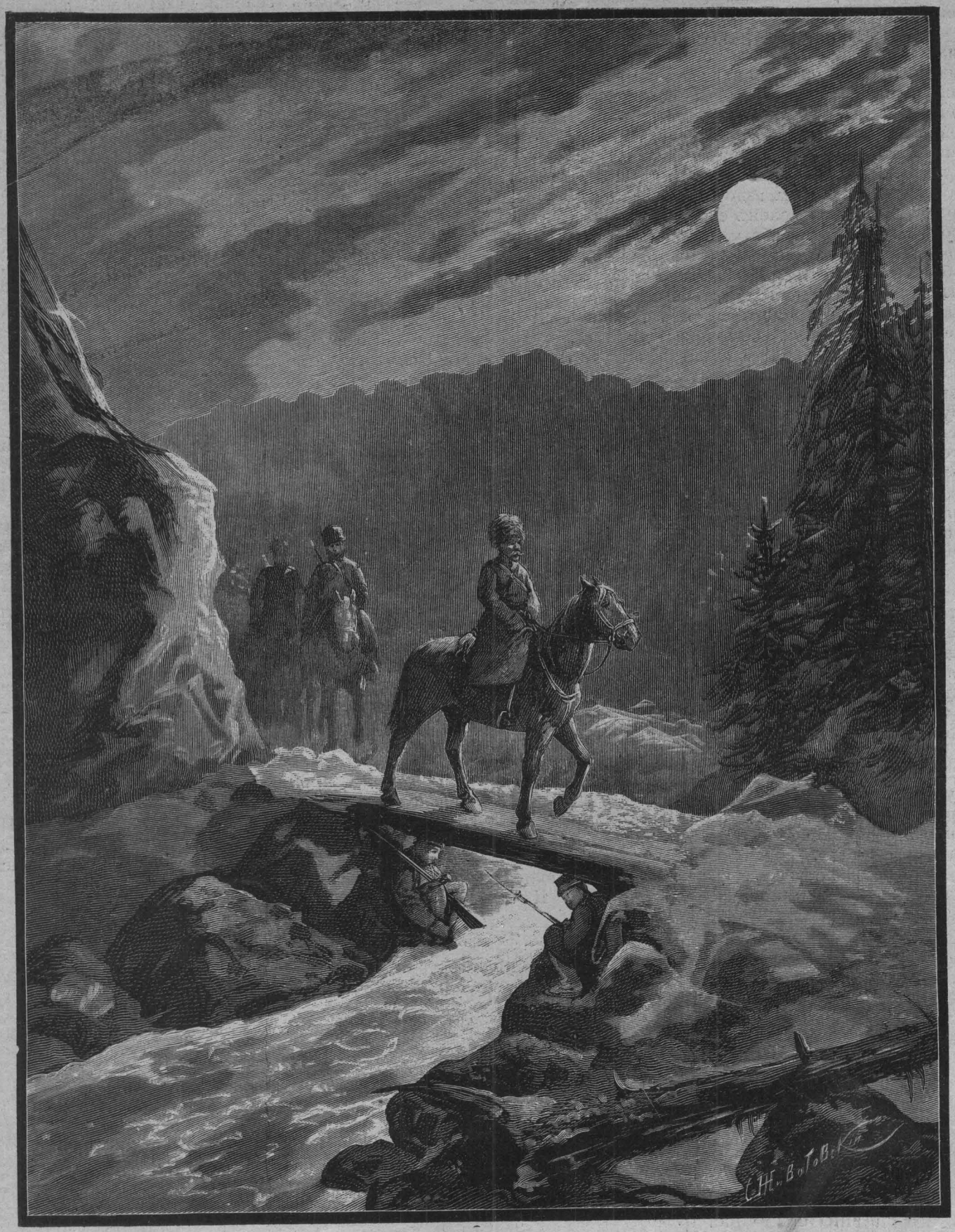
Онъ вспоминалъ теперь послѣднее свиданіе съ Юліей Алексѣевной. Она была блѣдна и разстроена, несмотря на всю силу воли, которая владѣла ею. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, онъ понялъ, что она любитъ его.

Поѣздъ уходилъ ночью. Она провожала его на вокзалъ, посидѣла съ нимъ въ вагонѣ. Они простились молча, безъ слезъ, крѣпко поцѣловались, и со стороны прощанье показалось-бы холоднымъ и равнодушнымъ. Но въ ея глазахъ стояла скорбь, такая скорбь, которой никогда не забыть Ивану Петровичу.

— Милая, хорошая,—прошепталъ онъ, вспоминая этотъ скорбный взглядъ.

Все, что въ послѣднее время случилось съ нимъ, не потеряло еще для него прелести новизны. Все это случилось какъ-будто внезапно, сразу, хотя подготовлялось давно. Онъ поступилъ рѣшительно и

Сканирован редуктором rutracker.org



ОТКЛИКИ ВОЙНЫ. ПОДЪ ПРЙКРЫТІЕМЪ. Оригин. рисун. **С. В. Животовскаго;** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**

круто и до сихъ поръ ни раза не усумнился въ правотѣ своего дѣла.

„Только тогда дѣло имѣетъ успѣхъ, когда въ него вѣришь“,—вспоминались ему слова Матвѣя Семеновича.

Ну, что-же? Онъ вѣритъ, вѣритъ въ то, что поступилъ, какъ должно, и въ то, что не могъ поступить иначе. Но отчего-же они всѣ такъ сомнѣваются? Отчего даже сама Юлія Алексѣевна сомнѣвалась въ тотъ вечеръ, когда онъ объявилъ ей объ отставкѣ? Она говорила, что онъ полонъ предразсудковъ, старыхъ взглядовъ и традицій, черезъ которыя ему не переступить. И онъ задумался надъ этими словами. Жить на ея счетъ? Что за вздоръ? Зачѣмъ ему это? Онъ молодъ, здоровъ, полонъ силъ, далеко не глупъ, способенъ на всякую работу, не боится труда и любитъ его... неужели-же онъ не въ состояніи будетъ найти себѣ трудъ, дѣло? Неужели Россія такъ богата интеллигентными силами, что вышвырнетъ за бортъ такой полезный трудовой элементъ, какъ онъ? Это—все пустые страхи. Онъ даже думаетъ, что ему удастся убѣдить отца и сломить его упрямство въ свою пользу. Наконецъ, отчего ему не принять временной помощи отъ отца? У отца, который состоялъ крупнымъ пайщикомъ въ одномъ огромномъ металлургическомъ дѣлѣ, есть связи, есть голосъ, есть вліяніе. Отецъ можетъ устроить его на одинъ изъ заводовъ мало-ли кѣмъ, бухгалтеромъ, что-ли... А Юля? Что-же Юля... Она можетъ-же, въ концѣ концовъ, покинуть этотъ гор докъ и перейти работать на заводъ, гдѣ, конечно, такъ-же много нуждающихся въ ея профессіи, какъ и вездѣ...

Но эти розовыя мечты вдругъ смѣнялись черными.

А что, если никакого мѣста онъ не получитъ? Онъ не видѣлъ отца около четырехъ лѣтъ. Отецъ старъ, и кто знаетъ, какія перемѣны совершились съ нимъ въ эти годы. И рядомъ съ образомъ стараго генерала Ивану Петровичу видѣлся грозный образъ Татьяны Васильевны, этого злого генія его семьи... И тогда все ему казалось такимъ мрачнымъ, такимъ неосуществимымъ, что ему дѣлалось жутко.

Небо темнѣло за окнами вагона.

Косой дождь продолжалъ стучать въ окна и окутывать темнѣвшій пейзажъ промокшихъ полей и деревень мутной дымкой тумана, какъ-будто между окномъ и природой опустилась тяжелая, полупрозрачная занавѣсь.

За этой занавѣсью тусклыми точками мелькали бѣдные вечерніе огни русскихъ деревень. И свѣтящіеся фонари на стрѣлкахъ, семафорахъ и станціонныхъ зданіяхъ, при остановкахъ поѣзда, казались, въ сравненіи съ этими бѣдными огоньками потонувшихъ во мракѣ селеній, настоящей иллюминаціей по поводу какого-нибудь праздника.

Смѣнялась станція за станціей и смѣнялось его настроеніе за настроеніемъ подъ мѣрный и скучный стукъ колесъ поѣзда.

X.

Сильно билось сердце Кедринскаго, когда онъ подъѣзжалъ къ Петербургу. Онъ узнавалъ эти огороды и кладбища, эти рѣдкія фабричныя трубы и эти частыя главы церквей, окружавшія столицу.

Петербургъ показался ему непривѣтнымъ, сумрачнымъ, хмуро глянувшимъ на него изъ-за мелкой сѣти дождя, которою онъ былъ окутанъ.

Дома всевозможныхъ колеровъ казались раскисшими и больными съ ихъ сползавшей штукатуркой и слѣзавшей отъ дождя краской—точно накрашенная красавица, которую огорчили до слезъ и со щекъ которой сползаютъ румяна, обнаруживая все ея истинное, неподкрашенное безобразіе. Все имѣло на улицахъ какой-то жалкій, чисто провинціальный видъ; пришедшія за зиму въ безпорядокъ мостовыя съ ихъ невозможнымъ булыжникомъ, прогнившими торцами, выщербленнымъ асфальтомъ и глубокими рытвинами; медленно ползущія конки, грязные вагоны, обтрепанные кучера, изморенныя клячи, и народъ, попадавшійся въ этотъ ранній часъ на улицахъ, какой-то блѣдный, нездоровый, точно выгнанный на улицу послѣ перенесенной тяжкой болѣзни.

И все было такъ уныло, такъ блѣдно, такъ безцвѣтно той нездоровой безцвѣтностью, которая наблюдается всегда у больныхъ, въ этомъ огромномъ городѣ съ его огромнымъ населеніемъ.

Мрачно было и въ квартирѣ отца.

Какою-то гробовою тишиною вѣяло отъ этой темной передней, въ которой носился удушливый запахъ лекарствъ и спертаго воздуха.

Горничная и лакей ходили на цыпочкахъ, говорили шепотомъ. Тяжелое безмолвіе царило въ квартирѣ и, казалось, даже часы были остановлены, чтобы не нарушать своимъ ходомъ этого молчанія.

— Что отецъ? Развѣ ему хуже?—спросилъ Иванъ Петровичъ вполголоса, невольно подчиняясь этому сумрачному настроенію и не хорошо разбираясь въ темнотѣ послѣ свѣта улицы.

(Продолженіе будетъ.)

Осенніе этюды.

Потускнѣлъ нашъ паркъ тѣнистый,
Пожелтѣлъ онъ и поблекъ,
И съ березы серебристой
За листомъ летитъ листокъ.

* * *

Вся усыпана аллея
Золотистою листвой,—
Точно сказочная фея
Обрываетъ ихъ рукой.

Словно хочетъ паркъ нашъ чудный
Въ мигъ она опустошить,
Снять уборъ весь изумрудный
И деревья оголить.

* * *

Словно хочетъ фея злая
Наготу его узрѣть,
Чтобъ, отъ стужи изнывая,
Съ нимъ зимою умереть.

М. Циммерманъ

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

На своей полоскѣ. (Рис. на стр. 1249.) Пришло время вспахать полоску. Ранымъ-рано запрягла своего «Карьку» оставшаяся послѣ мужа одна-одинешенька молодка-баба и отправилась на свою полоску, расположенную на задворкахъ деревни. Мѣрно шагаетъ «Карько», таща за собой борону, мѣрно идетъ, понукая лошадь, и баба. Моросить дождь, почернѣвшая земля обратилась въ грязь, низко-низко висятъ надъ землей тучи. Сѣрый день не манитъ радостью, а навѣваетъ какую-то тоску. Но этой тоски нѣтъ у женщины, боронящей свою полоску,—свою! Женщина сознаетъ это и весело идетъ около лошади, лаская свою помощницу въ крестьянскомъ обиходѣ.

На должность воспитателя. (Рис. на стр. 1277.) Онъ пришелъ, скромный, почтительный, на вызовъ богатаго вельможи. Онъ весь—покорность, весь—желаніе принести пользу тому питомцу, который будетъ врученъ его опытнымъ рукамъ воспитателя. Пристально всматривается вельможа въ скромную, склоненную фигуру будущаго воспитателя и, кажется, разсматриваетъ не только фигуру, но и мысли педагога, рѣшая вопросъ, принесетъ-ли новый воспитатель пользу сыну, который съ улыбкой смотритъ на новаго учителя и, кажется, уже заранѣе настроенъ противъ него враждебно. Лишь шутъ, пріютившійся у ногъ своего господина, смотритъ своими умными глазами на вновь прибывшаго воспитателя и думаетъ, что не ужиться этому скромному человѣку среди роскошныхъ палатъ. Знаетъ онъ уже изъ опыта, что трудно будетъ воспитателю сладить съ избалованнымъ ребенкомъ.

Горе. (Рис. на стр. 1263.) Изба. Чуть теплится лампадка въ углу, озаряя своимъ свѣтомъ почернѣвшія иконы, подъ которыми лежитъ больной. Тяжело вздыхаетъ онъ, но еще тяжелѣе вздыхаетъ сидящая около больного женщина. Горе, безысходное горе написано у нея на лицѣ. Тяжела крестьянская жизнь: непосильный трудъ и почти вѣчный недостатокъ. Сохнетъ грудь, болитъ душа, надрываются силы, и истомленный борьбой съ нуждою крестьянинъ теряетъ ихъ. Съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ воспаленными, смотрящими безучастно глазами, онъ валится въ постель и точно засыпаетъ. Кормилецъ семьи умираетъ,—умираетъ отъ непосильнаго труда, который пришлось ему нести всю свою жизнь. Чуть замѣтно мигаетъ огонекъ въ лампадкѣ, косые лучи солнца заглянули въ избу и освѣтили удрученную горемъ женщину, кувшинъ съ водой, кружку и убогую рухлядь крестьянскаго обихода. Подъ послѣдними лучами солнца еще ярче отразились муки остающейся одинокой женщины съ ея невыплаканнымъ безысходнымъ горемъ о кормильцѣ, который вотъ-вотъ уйдетъ отъ земныхъ невзгодъ, оставивъ на плечахъ ея всѣ заботы о хлѣбѣ насущномъ.

Клеопатра и Цезарь. (Рис. на стр. 1265.) Кто не знаетъ этой блестящей царицы Египта, кто не знаетъ, какою волшебною красотою обладала она? Благодаря своей чарующей красотѣ, Клеопатра спасала свое царство отъ разгрома. Всѣ завоеватели преклонялись предъ этой дивной женщиной и прощали ей ея непокорство. Но нашелся человѣкъ, который не тронулся прелестями египетской царицы, — то былъ Юлій Цезарь. Спокойными глазами смотрѣлъ онъ на обольстительную женщину и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на суровомъ лицѣ Цезаря въ то время, когда предъ нимъ предстала полуобнаженная Клеопатра. Напрасно она предъ Цезаремъ танцовала, изгибаясь своимъ эластичнымъ тѣломъ. Цезарь спокойно смотрѣлъ на Клеопатру и въ душѣ его поднималось не чувство любви къ этой африканской красавицѣ, а чувство удовлетвореннаго самолюбія, что онъ, римлянинъ, покорилъ Египетъ и въ его власти, именно въ его власти, находится эта женщина, покорившая своею красотою другихъ полководцевъ. Не такъ былъ твердъ другой римскій полководецъ того-же времени — Антоній, который поддался чарамъ египетской царицы. (См. «Герои Шекспира», изд. А. А. Каспари, «Антоній и Клеопатра».)

Подъ прикрытіемъ. (Рис. на стр. 1273.) Война кончилась. Заключенъ мирный договоръ, но картины прошедшей войны надолго останутся въ памяти русскихъ людей. Останутся въ памяти сопки, овраги, гаолянъ, темныя ночи, во мракѣ которыхъ наши сѣрые герои безстрашно совершали развѣдки, чтобы опредѣлить расположеніе японскихъ аванпостовъ. На рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 1273 настоящаго номера журнала, изображена одна изъ такихъ развѣдокъ. Русскіе, видимо, далеко заѣхали за цѣпь японскихъ передовыхъ отрядовъ, что показываютъ два спрятавшихся подъ перекинутымъ черезъ горную рѣчку мостикомъ желтолицыхъ врага. Они подъ прикрытіемъ, ихъ не видно. Смирно сидятъ японцы, и, конечно, было-бы горе для нихъ, если-бы ихъ замѣтилъ русскій отрядъ, безстрашно ѣдущій въ цѣпь вражескихъ войскъ.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 40-го иллюстрированнаго журнала „РОДИНА“: **Ершъ и Пыжъ.** Повѣсть кн. М. Н. Волконскаго. (Прод.)—**Инфлуэнца.** Разсказъ Григорія Ольшанскаго. — **Научи.** Стих. Ш. Парамонова. — **Въ темную осеннюю ночь.** Этюдъ Петра Агрипинина. — **Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.) — **Описаніе рисунковъ.** — **РИСУНКИ:** На своей полоскѣ. Съ карт. Е. И. Столицы. — На должность воспитателя. Съ карт. І. К. Винцмана.—Горе. Съ карт. И. Л. Горохова.—Клеопатра и Цезарь. Съ карт. К. Б. Венига. — Отклики войны. Подъ прикрытіемъ. Ориг. рис. С. Животовскаго.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха На охотѣ. Разсказъ И. Е—нова. —Современно. (Съ 1 рис.)—Утки. Стих. Фаланги.—Хозяйка. (Съ 1 рис.)—Мозаика. — Магическая фигура № 14. — Географическая задача № 31. — Перестановка слоговъ № 11. — Омонимъ № 5.—Магическій крестъ № 22.—Энстихозъ № 11.—Магическая фигура № 16. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 38.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Князь С. Н. Трубецкой. (Съ 1 портр.)—И. И. Еоргманъ. (Съ портр.)—А. А. Вороновъ. (Съ портр.)—К. В. Елпатьевскій. (Съ портр.) — К. П. Петровъ. (Съ портр.) — О путешествіи С. Ю. Витте. (Съ 1 рис.)—Къ землетрясенію въ Калабріи. (Съ 2 рис.)—Катастрофа въ Нью-Іоркѣ. (Съ 1 рис.) — Забава марокскаго султана. (Съ 1 рис.)—Автомобилисты. (Съ 1 рис.)—Друиды въ двадцатомъ столѣтіи. (Съ 1 рис.).

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

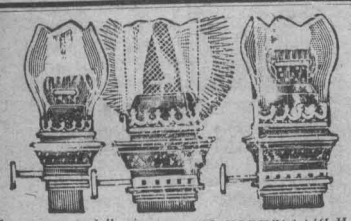
ПРИЛОЖЕНІЕ: „Собраніе романовъ „Родины“ 1905 г., № 19. Собраніе сочиненій Осипа Шубина, кн. 10-я, содержащая въ себѣ романы:

„Сломанныя крылья“.

(Окончаніе Стран. 129—208.)

„МЕРТВАЯ ВЕСНА“,

(Стран. 1—48.)



Самыя новѣйшія спирто-калильныя и керосино-газовыя горѣлки, замѣняющія газовое освѣщеніе. Цѣна съ пересылкой.

Горѣлки керос.-газ. безъ сѣтокъ:

№ 1	свѣта	16-ти	свѣчей	1 р.	50 к.
№ 2	„	20	„ „	2 „	— „
№ 3	„	25	„ „	2 „	50 „
№ 4	„	30	„ „	3 „	— „

спирто-кал. съ сѣтками:

№ 51	„	80	„ „	4 „	50 „
№ 52	„	60	„ „	2 „	90 „

Винтъ нашей горѣлки годится ко всякой 14-линейной лампѣ, къ больш. винтамъ добавляется муфта. Къ каждой горѣлкѣ прилагается 2 запасныхъ прочныхъ стекла. Въ Аз. Россію присчит. разн. вѣсовыхъ. І. Мельникъ. Варшава, ф—Граничная, 6. 463

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами.

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

КАКЪ ДЕРЖАТЬСЯ ВЪ ОБЩЕСТВѢ

и

ВЕСТИ СВОЙ ДОМЪ.

Сборникъ правилъ и совѣтовъ общественной жизни для всѣхъ классовъ общества, составленный по сочиненіямъ лорда Честерфильда, графа Невиль и многихъ другихъ авторовъ.

Спб., цѣна 1 руб. съ перес., въ переплетѣ 1 руб. 25 коп. съ перес. Требованіе просятъ адресовать въ книгоиздательство А. А. Каспари: С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114, при главной конторѣ журнала „Родина“, или въ его отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. № 20 и 2) Москва, Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россіи“.

Сенсаціонная новость!

АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ

ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ

кто желаетъ имѣть, вмѣсто красныхъ и морщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее, безвредное

БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА

ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА.

Savon Brésilien da-Costa.

Rio-de-Janeiro. — Paris. — Londres.

МГНОВЕННО дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.

Неподдѣльныя коробки снабжены маркой „Звѣзда“, какъ на рисункѣ, и заклеены банд еролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается вездѣ. Торговцамъ скидка.

Коробка 75 к. — Съ перес. въ Европ. Россію 1 кор. 1 р. 10 к., 3 кор. 3 р. 85 к., 6 кор. 5 р. 10 к. — Русскія описанія безплатно.

Выписывайте изъ главнаго склада

Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ.

С.-Петербургъ. Владимірская, 3.

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ.

БАНКА 1 р. 90 к.

САМОКРАСЯЩІЕ ГРЕБНИ. 448

Красятъ волосы въ любой цвѣтъ, совершенно безвредны; шт. — 2 р. 50 к. Пересылка налож. платежомъ. Москва, Цвѣтной бульваръ, д. Салтыкова, № 16/1 Парфюмерный магазинъ А. Мальмъ.

Золотая медаль 1893 г.

(Главный складъ у Г. Ф. Юргенсъ. Москва.)

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ „ОДОБРИНЪ“ только Михаила ЛЕБЕДЕВА 188 съ надписью (этикетъ утвержденъ правительствомъ).

Иногородн. высылается съ пер., 2 кор. — 1 р. 20 к., 4 кор. — 1 р. 90 к., 6 кор. — 2 р. 60 к. Глав. скл.: С.-Пбургъ, Гороховая, 52. Мих. Лебедевъ.

НАТУРЕЛЬ КРАСКА для ВОЛОСЪ ГОЛЛЕНДЕРЪ. 175

Безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черный, каштановый и темнорусый. КРАСКА НАТУРЕЛЬ не имѣетъ дурного вліянія на волосы. Цѣна коробки 1 руб. 50 к., съ перес. въ Европ. Россіи 2 руб. Требовать во всѣхъ аптек. и парфюм. магаз. Россіи. Главн. складъ у изобрѣтателей: Торговый домъ „Парфюм. Лабор. І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, СПБ., Разъѣзжая, 13.

скрипки. ✻ гитары. ✻ мандолины. ✻ домры.

СКЛАДЪ и ФАБРИКА

ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ С^МИ

С.-Петербургъ, Садовая, № 38.

Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 218

органы — граммофоны

цитры. ✻ корнеты ✻ кларнеты. ✻ флейты ✻ гармоніи

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ А. СІУ и К° — ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО Молодости МОСКВА. 20 коп. кус.

ТОРГОВЛЯ ЧАЯМИ В. И. ГРЯЗНОВА

съ сего 19-го іюля, по случаю принятія компаніона, переименовывается въ

—Торговый Домъ—

„В. И. ГРЯЗНОВА преемники Н. ЦѢЛИКОВЪ, и К°“ ВЪ МОСКВѢ.

Контора, магазинъ и развѣска: Остоженка, д. Грязнова.

Чаи, имѣющіеся въ запасѣ въ прежнихъ этикетахъ, продаются со скидкой. Чаи-же новой фирмы будутъ выпущены на-дняхъ. Прейсъ-курантъ высылается безплатно. Правленіе.

454

ГРАММОФОНЫ НОВѢЙШИХЪ ТИПОВЪ

ТОНАРМЪ

малой модели	40 р.
большой „	55 р.
трехпружинный	85 р.

Дешевые заводные аппараты отъ . . 10 р.
Тонармы отъ . . . 20 р.

ПЛАСТИНКИ НОВѢЙШЕЙ ЗАПИСИ. по 75 коп., 1 р. 10 коп., 1 р. 50 к., 2 р. 20 к. и дороже.

Прейсъ-курантъ и списки пластинокъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. ◆ Москва, Кузнецкій мостъ. Рига, Купеческая, № 9.

ВОСТОЧНЫЯ ПИЛЮЛИ

PILULES ORIENTALES

развиваютъ, укрѣпляютъ и возстановляютъ бюстъ, сглаживаютъ выпуклости костей на груди и плечахъ, заполняя углубленія, происходящія отъ худобы, и придаютъ граціозную полноту бюсту.

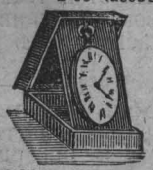
Флаконъ съ объяснительной брошюрой — 3 руб. съ пересылкой.

J. RATIÉ, аптекарь, 5 PASSAGE VERDEAU, Парижъ.

Депо у „Штоль и Шмидтъ“ въ С.-Петербургѣ и во всѣхъ аптекахъ. 409

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

2-ое часовъ за 5 руб. 75 коп.



1) Изящные и прочные столовые кабинетные часы „Молнія“ въ изящномъ корпусѣ, съ будильникомъ и самосвѣтящимся въ темнотѣ циферблатомъ, дающимъ возможность узнать ночью въ темнотѣ, который часъ. 2) Карманные мужскіе открытые часы изъ настоящей черной вороненой стали, 1-го сорта, или настоящаго американскаго золота знаменитой марки „примо“; къ карманнымъ часамъ прилагается цѣпочка американ. золота и брелокъ „бинокль“. Часы высылаются провѣренные до минуты, съ ручательствомъ на 6 лѣтъ, немедленно по полученіи заказа наложен. платежомъ. Требованія прошу адресовать: Ш. Кульварскому, Варшава, Холодная, 18—4. 431

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ мѣханич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.

2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11 р.	13 р.	15 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

СТАЛЬНЫЕ голоса

16 р.	20 р.	24 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

и дороже

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА МѢДНЫЯ ПЛАНКИ

5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.

СТАЛЬНЫЕ голоса МѢДНЫЯ ПЛАНКИ

10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-РОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА. УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ

12 клап.	14 клап.
9 руб.	10 руб.

4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ

14 клап.	16 клап.	18 клап.
12 руб.	14 руб.	16 руб.

5-ти ПЛАНОЧНЫЯ

14 клап.	16 клап.	18 клап.
15 руб.	17 р. 50 к.	20 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ, Москва, Срѣтенка

СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

Дозволено цензурою. Спб., 24-го сентября 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.